

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Ведич

Катарсис

Василий Головачев

Ведич

«ЭКСМО»

2007

Головачев В. В.

Ведич / В. В. Головачев — «Эксмо», 2007 — (Катарсис)

ISBN 5-699-20118-1

Судьба человечества вновь решается в России! Посвящение Сергия, призванного стать Объединителем и Хранителем славянского Рода, должно произойти в священном месте выхода Светлых Сил. Найти и уничтожить ученика Волхвов – последняя возможность для Синклита Черных конунгов изменить ситуацию в свою пользу и окончательно подчинить Россию и весь мир своей воле. Но на пути врага, заслоняя собой Серебряного мальчика, встают старые боевые товарищи: Егор Крутов, Ираклий Федотов, Глеб Тарасов. Очищение Земли от сил Зла продолжается...

ISBN 5-699-20118-1

© Головачев В. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Василий Головачев

Ведич

Глава 1

НЕ БЕГИ ОТ МИРА

Пришёл я в Мир и огорчился: ложь, обман и подлость растут повсюду как сорняки.

Искал я Правду в Мире, долго и тщательно, и находил лишь робкие ростки Её, забытые сорняками. Но я не отчаялся, так как зов Возвышенного увлекал меня к поиску Истины и Красоты и давал надежду. Зов Возвышенного поддерживал меня и помогал найти дорогу во Тьме. И однажды пришли слова:

– Если не можешь отыскать Правду на Земле и открыть людям, найди её в самом себе!

И я ушел из Мира в Природу, которая дала мне животворящий огонь Познания, свет Понимания и терпение Восхождения.

Вошёл я в глубины Мироздания внутри себя, отделив Тьму от Света, открылся мне Трон Тайн Возвышенного, взошёл я на него и увидел Свет Истины и вспомнил всё...

Глаза Егора открылись.

Сном его состояние назвать было трудно.

Он уже давно знал, что существуют семь уровней сна, соответствующих познанию семи уровней Бытия, и научился от «нормальных» состояний: физического сна – состояния «здесь и сейчас», эфирного сна – мысленного путешествия в пространстве – переходить к высшим переживаниям, через астральное, ментальное, духовное – к снам Я-сознания. Но «сон Вечности», соответствующий состоянию «нирваны», давался редко. Прыжок в Ничто, в Пустоту и Небытие, где нет ни форм, ни символов, ни движения и звука, абсолютное безмолвие и блаженство, всё ещё был недоступен.

Егор вспомнил последнее Посвящение, состоящее из трёх ступеней.

Первая ступень предполагала полное отвержение себя, отрицание личных желаний и удовольствий, уход из мира, отказ от богатства, славы, почестей, приобретённых знаний, всех порядков и правил, привязанностей и волеизъявлений – кроме духовного поиска и смирения. С этим Егор Крутов, бывший полковник спецназа ГРУ, «осветенный» волхв, то есть человек, достигший высот магического знания не по наследственной линии, не родившийся волхвом, справился достаточно легко. Тем более что жена понимала и принимала его устремления.

На вторую ступень – полный отказ от самого духовного подвижничества, достигаемого усилием воли, от постов и медитационных размышлений – Крутов поднялся за три года, сосредоточившись на исследованиях, которые он начал под влиянием раскрывшихся возможностей организма. Пришлось уйти из всех общественных движений, забыть о друзьях, отказаться от участия в делах Общины «Родолубие» и запереть сознание в «могиле себя», чтобы услышать в своем сердце «безмолвный глас» Вещего Бога – Рода, который должен был повести ветлужского отшельника через Калинов мост реалий к новому возрождению.

Однако одолеть третью ступень, проникнуть ещё глубже в познание *основ* Бытия, стать «мёртвым среди живых и живым среди мёртвых», то есть *Бером* – оборотнем, быть в миру, но не от мира, Крутов не смог. Человеческое в человеке оказалось сильнее. И всё же он ещё раздумывал, идти ли ему дальше по намеченному пути или остановиться на грани естественного любопытства, за которым начиналось любопытство иное – чисто интеллектуальное, оторванное от сердца и души.

Внезапно какой-то звук вторгся в безмолвное ничто, окружавшее волхва.

Крутов повернулся «сам в себе», пытаясь определить источник звука.

Впрочем, это был не звук – мысленный посыл, отражавший древний сензарский язык – птичий, тайный язык волхвов и магов. На сензарском разговаривали гиперборейцы, прямые предки русского Рода, а «птичьим» его называли потому, что на этом языке пела свои песни вещая птица Гамаюн и разговаривал бог древних египтян Птах. На нём же можно было «пропеть» всю гамму человеческих чувств, тонко выразить эмоциональное состояние человека. По сути, он являлся универсальным языком Космоса и был понятен всем существам Вселенной.

«Внемли, отшельник, – услышал Крутов невыразимый никакими словами вызов. – Тебе хочу я передать Весть, ибо навсегда ухожу из Яви в Навь».

«Зимогор? – ответил удивлённый Крутов, определив личность нашедшего его «во сне Я-сознания». – Почему ты уходишь?»

«Пришло время, – мысленно усмехнулся старый волхв. – Я долго шёл по стезе поиска, но вижу, что не достигну конца пути и не начну сначала. Теперь твой черёд».

«Почему ты обратился ко мне?»

«Ты ещё не испорчен. Идея всечеловеческого блага, всеобщей пользы и равенства, ставшая самой холодной и неправильной религией среди людей, тебя не подмяла. Выходи на свет».

«Я не закончил... свой поиск».

«Этот процесс бесконечен. Я знаю, что ты освоил базовую информационную матрицу, чем начинал заниматься ещё мой ученик Петя Гаряев, то есть генетико-метаболическую волновую память организма, и можешь теперь жить долго молодым. Используй это во благо. Я же хочу передать тебе свой *светимец*».

«Для этого нужно решение иерархов... твой интенционал изменит мою сущность...»

«Не беги от мира, но ищи в нём любовь».

«Мне надо подумать...»

«Прощай, волхв. Теперь ты – *Владыко*».

Луч странного света сверкнул в бездне тьмы, пронзил Крутова, преломляясь в нём как в друзе кристаллов хрусталя, высветил все закоулки его сознания и памяти, заставил сверкать кристаллики забытого и драгоценные камни нового *знания*. Спустя мгновение внутри Крутова развернулась целая вселенная чужого опыта, касающегося едва ли не всех областей человеческого знания. Если бы не собственный опыт и багаж познанного, Крутов мог бы буквально захлебнуться в этом невидимом и неосязаемом на уровне семи чувств океане. Но он выстоял!

Луч погас.

Океан иного опыта сжался в веретено светящегося «тумана», заставившее трепетать энергетические центры организма, чакры – на языке эзотериков, – и это «веретено» тихо растворилось в голове.

Крутов опечалился, продолжая оставаться на уровне «нирванического» сна, понимая, что волхв Зимогор умер. Но успел передать человеку, которому доверял всецело, *светимец*, или интенционал – на языке науки, то есть энергоинформационный «пакет».

На душе стало светло, жарко и одновременно – темно и холодно.

Повеяло *смертью*. Хотя Крутов и относился к ней иначе, нежели простой человек. Однако к переходу в Навь он готов не был.

Страх!

Страх небытия вдруг вновь отключил его от Я-сознания, подобного сну, создающему индивидуальное пространство-время. Крутов «выпал» сначала в сон духовного тела, выходящий за пределы телесной оболочки и барьеры времени, затем в сон ментальный, несущий информацию о будущем, в астральный – сон прошлых времён и действий, перескочил через эфирный и физический сны и вышел в ясном сознании в своём кабинете, на диване, где часто оставался один.

Кто-то ещё присутствовал здесь, мягкий и покорный, как глина под пальцами творца.

Егор повернул голову, увидел сидящую на краешке дивана жену. Некоторое время смотрел на неё, не двигаясь.

– Лизавета...

Женщина улыбнулась, кутаясь в тёплую шаль.

– Ты светился...

– Я был... далеко отсюда...

– Не пора ли возвращаться?

Он сел на диване, одетый в домашний халат.

Показалось, что Елизавета говорит чужими словами, словами Зимогора, словно тоже получила от умершего волхва некое магическое послание.

– Почему ты не спишь?

– Не хочу, – улыбнулась женщина с той же мудрой печалью. – Детей хочу. Жить хочу. Понимаешь? Мне уже сорок. А что я видела и пережила?

Крутов вспомнил слова Зимогора: «Не беги от мира, но ищи в нём любовь». Душу вдруг охватил стыд. Его верная подруга, принявшая безоговорочно его образ жизни, была и оставалась красивой женщиной, мечтавшей о простом человеческом счастье. Он же обрёк её на вечное ожидание, на тихое угасание, не понимая, что творится в её душе. Стоят ли такого самоотречения все его попытки овладеть магией волхвования, или *волибой*, как говорят сами волхвы? Так ли это необходимо человеку для мистического восхождения, для подготовки встречи с Возвышенным?

– Ты... хочешь... ребёнка?

– Хочу.

– Ты мне никогда раньше об этом не говорила.

– Думала, догадаешься сам.

Егор, не сводя глаз с лица жены, сел напротив, очень близко, положил руки на плечи.

– Любимая моя женщина... я спал...

– Я знаю.

– Прости меня!

Она покачала головой, зажмурилась.

– Я сама приняла твой план бытия. Но дальше так...

Он прижал палец к её губам, потом поцеловал.

Поцелуй был коротким и странным – как со статуей.

Тогда он поцеловал жену снова и целовал до тех пор, пока не почувствовал ответ.

И тогда Возвышенное сошло на них неосязаемой мягкой глыбой *желания*, и оба перестали думать о чём-то другом, растворяясь в страстной необходимости любить...

Елизавета уснула раньше.

Крутов полежал рядом, прислушиваясь к затихающему гулу крови в жилах, расслабленно сосредоточился на сердечной чакре, но не довёл медитацию до конца – уснул. Не опустошённый, а счастливый!

Проснулся с первыми лучами солнца.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся, принял душ, вернулся в кабинет.

Лиза спала, удивительно красивая и близкая.

В душе Крутова снова шевельнулось желание.

И тотчас же Лиза проснулась, повернула к нему голову, словно знала, что муж рядом. Впрочем, она тоже умела предвидеть опасность и удачу, даже не будучи ведьмой, но главное, что она до сих пор хранила дар берегини, реагируя на любое *движение* мужа.

Егор потянулся к ней.

Елизавета, внезапно застеснявшись, накрылась простынёй, но рука нашла её, простыня слетела на пол, и они обнялись, снова притянутые силой, которой не хотелось сопротивляться...

Потом Лиза упорхнула в ванную, Егор полежал, расслабленный, безмерно довольный, прислушиваясь к своим ощущениям и улыбаясь. Услышал зовущий голос жены, тоже направился в ванную. Привёл себя в порядок. Вернулся в кабинет, походил вокруг деревянного кресла, поглядывая на капию – корону универсальной энергоинформационной матрицы, дающую «вход в прошлое». Но решительно отнёс все поползновения ума заняться расшифровкой переданного Зимогором интенционала и сел за компьютер.

Первым делом он бегло просмотрел утренние выпуски новостей по всем каналам телевидения, прочитал информационные сообщения газет. Затем связался с обозревателем средств массовых коммуникаций Общины «Родолюбие», удивив его своим появлением, и полчаса беседовал с ним, с интересом выслушав анализ обстановки в стране и в мире.

Елизавета позвала мужа на завтрак, он хотел отказаться, но вспомнил о перемене своих «революционных» устремлений и с удовольствием позавтракал, ощутив зверский аппетит.

Поговорил с женой, которая, как оказалось, была в курсе многих событий, вернулся в кабинет и продолжил информационные изыскания. К двенадцати часам дня Крутов насытился новостями и сел в «кресло истин» размышлять о положении «магического реализма» в России,двигающего властными структурами и целыми народами.

Первый вывод, сделанный им после размышлений, оказался неутешительным: страна была чуть ли не смертельно больна коррупцией на всех уровнях! Прорезались метастазы. И никакие «жёсткие меры», предложенные Генеральной прокуратурой, положения не спасали. Бодрые заявления правительства «об улучшении жизни народа» являлись лишь средством успокоения масс. Не добавляли оптимизма ни деятельность Объединённой Думы, ни самого президента Союза России и Белоруссии, которым стал «старый» президент России Прямушин. Высшей ценностью государства по-прежнему признавались экономика и пресловутый «институт снижения инфляции», а не интересы сохранения народа и природы России. По-прежнему все благие начинания достойнейших представителей народа вязли в инертной массе властных структур и реализовывались с точностью до наоборот.

Но самое плохое крылось в том, что Кремль опирался на Центр стратегических инициатив (ЦИ), преемника Новой революционной инициативы, и страной фактически правила Федеральная антитеррористическая служба – ФАС, напрямую подчинявшаяся Синклиту конунгов – чёрных магов. Храмы БЕСа – Братства Единой Свободы – перестали строиться повсеместно, но взамен этого конунги начали внедрять своих агентов в православные храмы и церкви, пытаясь перехватить управление ими изнутри, отчего война Катарсиса и Синклита перешла в иную форму – в пространство замыслов и намерений. Несмотря на то что Православие подчинилось христианству, по сути признавшему равноправие добра и зла, высшие иерархи Русской Православной Церкви понимали пагубность этого явления и усилили контрпропаганду. Кроме этого, им приходилось бороться против восточных учений, утверждавших, что жизнь несущественна, всех ждут перевоплощения и «райская» жизнь, а чувства людей не заслуживают внимания. Поэтому против Новой Идеологии Стабилизации попы оказались бессильны.

Сохранила своё положение и СССР – Система социальной стабилизации реальности, за которой также стояли агенты влияния Синклита. Управлял же этой Системой Харитон Кобяга, чёрный маг, уцелевший в последней битве с Витязями Сопротивления – Вечевой службы Рода.

Катарсисом же в настоящее время руководил бывший полковник военной контрразведки, соратник и друг Крутова Ираклий Федотов, ставший Витязем Рода.

Егор представил его абсолютно голый череп (Ираклий потерял шевелюру в последнем бою с конунгами) и улыбнулся. Федотов мог бы вырастить себе любые волосы, но не стал этого делать, так как его жена Мария сказала, что любит его и такого.

– Любовь – великая сила... – пробормотал Крутов сам для себя с шутливой интонацией. Но в глубине души он знал, что это правда. Законы волшебства опирались именно на неё.

Сколько же лет их сыну? – попытался вспомнить Крутов возраст Сергея, сына Ираклия и Марии. Лет десять? Или больше?

Егор покачал головой.

Годы пролетели незаметно. Лиза назвала странное число – сорок. Ей исполнилось сорок лет! В таком случае живут они вместе уже пятнадцать лет. А это значит, что сыну Ираклия должно исполниться тринадцать, столько же, сколько Сергию, будущему *устроителю* России.

Сердце сжала тревога.

Где он сейчас? Зимогор не сказал ни слова, передавая *светимец*, только назначил Крутова своим преемником. Теперь Егор – *Владыко*, Белый волхв, и теперь на нём лежит ответственность за судьбы дорогих ему людей. А главное – за судьбу всего Рода.

Крутов выключил компьютер, начал собираться.

В кабинет вошла Елизавета, одетая в лёгкий летний сарафан. Улыбнулась.

Он невольно залюбовался ею.

– Куда наметился? – спросила женщина, пытаясь скрыть смущение; на щеках выступил румянец, а глаза сияли, и Егор мимолётно подумал, что такой он не видел жену давно.

– Навещу Ираклия, – ответил он. – Поговорить надо. Зимогор передал мне полномочия координатора сопротивления, надо начинать дело.

– Ты... согласился?!

– Если честно, я об этом ещё не думал всерьёз. – Он лукаво прищурился; Лиза снова порозовела, как девочка, под его взглядом. – Кое-кто совсем вскружил мне голову. Выясню, что делается вокруг, и приму решение.

Лиза шагнула к мужу, обняла.

Они постояли несколько мгновений, прижимаясь друг к другу, как только что встретившиеся после долгой разлуки, потом Крутов мягко отстранил жену, проговорил:

– Я скоро вернусь.

И исчез – волхв, умеющий преодолевать пространство и «выходить за угол времени».

Елизавета повела рукой, как бы провожая ушедшего, и с пальцев женщины сорвалось колечко «обережного» света, растаявшее в воздухе без следа.

Глава 2

УЧЕНИЕ – СВЕТ

Брянская губерния

Бориславу Тихоновичу Шерстневу исполнилось пятьдесят шесть лет.

Родился он в селе Ахоево Нижегородской губернии, жил и учился сперва в Нижнем Новгороде, затем его отец, подполковник зенитно-ракетных войск ПВО страны, переехал с семьёй в Тросну, небольшое село в Брянской губернии, и заканчивал среднюю школу Борислав Тихонович в Жуковке, районном центре Брянщины, куда переезжали многие из постепенно исчезающих деревень района.

Учился Шерстнев после окончания школы в Брянске, в местном машиностроительном институте, потом в Москве и в Минске, закончив ещё два высших учебных заведения – Физтех и Академию педагогических наук.

В сорок два года он вернулся на Брянщину и поселился в Жуковке, где женился и прожил три года. Затем вступил в Общину «Родолюбие» и переехал в деревню Фошня Жуковского района, где создал первую Школу Шерстнева, воспитывающую детей на основе древнеславянских практик и учения о Родочеловеке.

Община потихоньку росла, укрепляя свои позиции в общеславянском движении, и Школы Шерстнева начали создаваться в других регионах Брянщины, в Дятькове, Навле, а также в Нижегородской, Ярославской, Суздальской губерниях, в Краснодарском крае, Тюмени, на Дальнем Востоке.

Ученики этих Школ творили чудеса, в двенадцать-тринадцать лет сдавая экстерном экзамены за весь курс обычной средней школы, заканчивая гимназии в возрасте четырнадцати лет, а институты – в шестнадцать-восемнадцать. Естественно, все эти дети оставались членами Общины, несмотря на разделяющие их расстояния. Община «Родолюбие» была образованием социальным, а не территориальным, хотя многие её обитатели предпочитали селиться вместе, в новых посёлках и городках, созданных на деньги частных предпринимателей. На окраине Фошни тоже появилась Славянская слобода, построенная по замыслу архитектора Сундакова-младшего, где проживали более ста человек.

Борислав Тихонович жил отдельно, имея дом в самой Фошне, однако Школа его располагалась в Слободе, и он большую часть времени проводил там.

Двадцать пятого августа Шерстнев приехал в Школу рано утром, собираясь поработать с документами строгой отчётности, которые требовала от него, как от директора, местная сельская Комиссия по образованию. Но уже в девять к нему пришли двое молодых родителей, муж и жена, проживающие не в Фошне, а в соседних Ковалях. Мужчина назвался Глебом, а его жену звали Натальей.

– Мы детей хотим отдать в вашу Школу, – начал Глеб; судя по виду, ему ещё не было и тридцати лет. – У нас мальчик и девочка.

– Веселинке семь лет, – добавила робко Наталья; у неё круглился животик, что говорило о скором прибавлении семейства. – А Фёдору шесть.

Шерстнев улыбнулся, кивнул на живот женщины:

– Третьего ждёте?

Гости переглянулись.

Глеб пригладил вихры, кивнул:

– Так ведь известно, чтоб род не пресёкся... ещё парня хочу.

– А дети у нас хорошие, послушные, – сказала Наталья и улыбнулась. – Помогают по дому, буквы знают, читать умеют.

– Это хорошо, – благожелательно сказал Борислав Тихонович, размышляя над просьбой: Школа у него была небольшая, всего на четыре класса, и все они были заполнены. – Хотя никакой беды не было бы, если бы они читать не умели. У нас учатся разные детки. Что ж, давайте попробуем, пусть приходят третьего сентября.

– А вы их тестировать не будете? – поднял брови Глеб. – Не надо экзамены сдавать?

– Экзамены сдавать не надо, – засмеялся Шерстнев. – А посмотреть можно. Приводите их завтра, покажут, что умеют.

– Они с нами...

– Так что же вы медлите? Пригласите обоих.

Наталья заспешила из кабинета директора, представлявшего самую настоящую кунсткамеру: все стены были увешаны картинами на бересте, а шкафы ломились от поделок из камня, дерева, глины, капа, сосновой коры и лещины. Поделки были выполнены учениками Школы, и некоторые из них являлись уникальными по мастерству исполнения. Через минуту Наталья вернулась и ввела в помещение двоих детишек. Дети стеснительно поздоровались:

– Здравсьте...

Веселина была старше брата на год, но казалась совсем маленькой; соломенного цвета волосы девочки были заплетены в косу.

Фёдор казался большим и серьёзным, только в серо-зелёных глазах мальчика прыгали бесенятки. Было видно, что ему всё любопытно, однако он сдерживал свой озорной характер.

Борислав Тихонович встретился с ним глазами, отмечая живость парня, кивнул ему, как давнему знакомому:

– Не рано ли тебе в школу, дружок?

– Не-е... – солидно ответил Фёдор и тут же абсолютно естественно добавил: – А сабля настоящая?

Шерстнев посмотрел на висящий на стене меч из пластилина, почти неотличимый от настоящего: у него даже лезвие отражало свет, как металлическое.

– Хочешь научиться делать такие сабли?

– Хочу.

– Тогда мы подружимся. Надеюсь, тебе у нас понравится. Ну, а ты чему хочешь научиться? – Борислав Тихонович посмотрел на девочку.

– Рисовать... – ответила Веселина, вскинув на директора большие голубые глаза.

– Она хорошо рисует, – вмешалась мать девочки. – Правда, больше небо да солнце. Там у неё люди живут.

– Они хорошие, – тем же тоном, но серьёзно сказала Веселина. – Добрые. И светятся по ночам.

– Ты их видишь?

– Ага... когда спать ложусь.

Борислав Тихонович улыбнулся:

– Когда я был маленьким, тоже видел во сне светящихся людей. И по небу летал.

– Там красиво, – мечтательно сказала Веселина.

Шерстнев задумчиво посмотрел на неё, на брата: их аура была чиста как слеза и гармонична, дети готовы были раскрыться и видеть Правь, у них имелись способности и силы, их любили и зачали по любви, что уже становилось редкостью в мире, и им был нужен *учитель*.

– Что ж, буду рад встречаться с вами.

Борислав Тихонович не удержался, погладил Фёдора по вихрастой головке, и родители повели оглядывающихся детей к выходу.

– Нас отговаривали, – признался на пороге их отец, – даже угрожали... но мы всё равно хотели, чтобы они у вас учились. Спасибо... Извините, если что не так.

Семейство покинуло кабинет.

Шерстнев нахмурился, помедлил, потом быстро догнал посетителей.

– Глеб, подождите минутку. Кто вам угрожал?

Молодой человек смутился, глянул вслед жене с детьми, пожал плечами.

– Да дурость это всё. Недели две назад приходили двое, я их не знаю... Один степенный такой, лицо каменное, второй совсем молодой, меня моложе. Я его потом встретил возле магазина в Ходиловичах, с друзьями он был. Знаете, спортсмены эти, из Клуба.

Шерстнев кивнул.

В соседнем с Фошней селе Гришина Слобода год назад открылся Клуб спортивного совершенствования, быстро завоевал популярность среди молодёжи определённого толка, и теперь вся округа дрожала от страха, когда «спортсмены» выходили гулять, в том числе – по соседним деревням.

– Ничего, ерунда это, – заторопился Глеб. – Мы таких не слушаем. До свиданья.

– Что они говорили?

– Да ничего особенного. – Глеб почесал затылок. – Предложили отдать детей в православно-приходскую школу в Жуковке, потом добавили, чтоб мы к вам ни ногой, иначе кирдык.

Шерстнев покачал головой:

– Сурово!

Глеб махнул рукой, усмехнулся:

– Мы их не боимся. А про вашу школу только хорошее слышали.

Парень поспешил за своим семейством.

Борислав Тихонович вернулся в кабинет, пребывая в сосредоточенности. Уже третий житель района, принявший решение отдать детей учиться в Школу Шерстнева, жаловался на угрозы со стороны неких лиц, явно не заинтересованных, чтобы количество учеников в Школе увеличивалось. И симптом этот был тревожным.

Походив по кабинету, потом по тихим коридорам здания школы, пахнущим новым линолеумом, Борислав Тихонович позвонил другу, носившему в Общине звание *пестователя*. Звали друга Онуфрием Павловичем, исполнилось ему уже семьдесят лет, работал он простым лесничим в Жуковском лесничестве, на самом же деле служил в Катарсисе и был близок к волхам, основателям Общины «Родолюбие».

Онуфрий Павлович приехал к обеду, на стареньком велосипеде.

Жил он в соседней деревушке Велея, в семи километрах от Фошни. Высокий, седой, степенный, с короткой седоватой бородкой и умными живыми глазами с хитринкой, выглядел он на пятьдесят с небольшим. Одевался всегда просто, в соответствии с обычаями сельской местности, не выделяясь из общей моды. Август на Брянщине выдался жарким, хотя и не без дождей, и Онуфрий Павлович носил светлую льняную рубашку, холщовые штаны с кармашками и сандалии.

Прошлись по территории Школы, обмениваясь последними новостями, уселись в уютной учительской. Борислав Тихонович заварил чай, достал сухари с маком и баранки.

– Варенье есть, смородиновое, хочешь?

– Не откажусь, – кивнул Онуфрий Павлович, огладив бородку. – Умеет варить варенье твоя Алевтина. Где она, кстати?

– Уехала к родичам, – ответил Шерстнев; речь шла о его жене Алевтине Матвеевне. – Она же из оренбургских крестьян, все её родственники там окопались.

Выпили по чашке чаю.

– Говори, что там у тебя, – отодвинулся от стола пестователь Общины.

– Тучи надвигаются. – Шерстнев рассказал о визите молодой семьи, закончил: – Это уже третий случай попыток воздействия на людей в таком ключе. Кто-то очень не хочет, чтобы к нам вели детей.

Онуфрий Павлович снова огладил бородку.

– Понятное дело. Ты растишь не просто активных строителей социума, но по сути магов, радеющих за Русь, за Род, за мир без зла. При достижении критического порога численности Школ может образоваться – и мы этого добиваемся – эгрегор справедливого отношения к людям, и в особенности – к власти имущим. А терять власть им не хочется. Вот и зашевелились конунги.

– Думаешь, это их телодвижения?

– Ты давно не беседовал с Пашей Здановичем?

Шерстнев помолчал. Речь зашла о директоре филиала Школы в Челябинске.

– С мая.

– На него тоже наехала некая структура, затеяла перерегистрацию документов, объявила землю Школы своей. Да и с другими Школами беспокойно, проблемы появились. У Дмитрия Кулибина сестру убили, слышал?

Шерстнев кивнул.

– Думаешь, это не случайное событие?

– Кулибину и самому звонили, угрожали, предлагали посты в Москве, аж в Министерстве образования, лишь бы Школу закрыл. Родовые Ключи под Москвой чуть не сожгли. Учеников бьют. Это война, Борислав, и к ней надо готовиться. У нас пока тихо только потому, что мы в зоне *непрогляда*. Однако всё меняется, мы становимся силой, с которой придётся считаться, и реакция Синклита абсолютно понятна. Твоя Школа, по сути система экстенсивного воспитания, как бельмо на глазу у местной администрации. На всех олимпиадах первые места берут наши ученики. А «традиционных» методик ты не признаёшь.

– «Традиционные» методики ведут к вырождению образования.

– Ещё бы, – кивнул Онуфрий Павлович. – Взять хотя бы реформы языка и насильственное внедрение Единого государственного экзамена. Между прочим, в соседних школах снова ввели курс «Здоровое будущее детей». Официально одобрен Министерством образования, а продвигается с подачи Детского фонда ЮНИСЕФ.

– Которым управляет конунг Ван Хиддинк.

– Особенно умилительны антинаркотические установки курса и методики сексуальных привыканий.

– Знаю, читал, – поморщился Шерстнев. – Мерзость! Под видом профилактики антисоциальных явлений в сознание детей внедряется их доступность! Полная нравственная несостоятельность курса очевидна. Но он всё равно отвоёвывает позиции, несмотря на заявления родителей. Мы должны что-то противопоставить этому «светлому» движению, наши практики, к примеру.

– Вот поэтому конунги и начали превентивную обработку воспитательской среды. Не удивлюсь, что скоро нами займётся прокуратура, также находящаяся под влиянием Синклита.

– Неужели мы ничего не сможем им противопоставить?

– Сможем, – улыбнулся Онуфрий Павлович. – Работай, но посматривай по сторонам. Заразу надо лечить до её проявления. Если бы мы сработали вовремя тысячу лет назад, Православию не пришлось бы ради выживания подчиняться христианству, переиначивать наши родовые праздники и вымаливать прощение у чужого бога.

– Это верно, – слабо улыбнулся в ответ Шерстнев. – Библейское христианство – абсолютная зараза! Оно принципиально не согласуется со славянской и индоевропейской культурой, утверждая, что человек – раб по своей природе, что люди порочны и ничтожны в земных устремлениях. Что они должны бесконечно каяться перед высшим существом. Что, наконец, мир проклят и будет уничтожен, так как это угодно богу! Чушь несусветная!

Онуфрий Павлович поднял вверх палец.

– Именно поэтому бог христиан является богом социальной несправедливости! Если ты помнишь, ещё Фёдор Косой в шестнадцатом веке утверждал, что всякая вера хороша, а плот-

ские отношения сами по себе чисты. Но мы отвлеклись. Скажи лучше, ты применяешь на своем приусадебном участке удобрения с добавками нанопродуктов?

– Нет, – качнул головой Шерстнев. – Только навоз. Соседи-фермеры давно используют нанотехнологии, видел бы ты их яблоки! Но я работаю по старинке, и дети это понимают. А что, ты советуешь перейти на последние разработки? Сам же внушаешь детям, что генетику человека нельзя менять. Могу купить для Школы ферму индивидуального пользования. Полностью автоматизированный сельскохозяйственный комплекс, умещается в морской контейнер, приносит урожай круглый год, способен производить сотни пучков салата, редиса, моркови каждый день. Их выпускает брянский «Механотех».

– Я советую ввести в Школе курс экологии нанофермерских хозяйств, чтобы дети понимали, куда движется прогресс. В обычных школах перенимается опыт Америки, давно использующей трансгенные продукты, а это неправильно. Америка никогда не знала, что такое деревня, потому и погибает сейчас. Город – это поверхность жизни, деревня же – глубина, её корень, её душа, если хочешь.

– Всё изменилось, Онуфрий, социальная система, нравственные критерии и ценности. Деревня умирает, уже не будет тех глубин, что были раньше, и мы должны с этим смириться. К этому надо привыкать, растить детей, любящих землю. Я уже много раз писал волхвам, тому же Зимогору, что пора создавать новые принципы жизненного уклада и сохранять деревню иными способами. Где ответ? Нету пока.

Онуфрий Павлович нахмурился, опустил голову:

– Зимогор умер.

– Как умер? – не понял Шерстнев. – Почему? Когда?!

– Два дня назад мне позвонил волхв Долгий. Зимогору исполнилось сто двадцать шесть лет, он устал.

– И кто же теперь *Владыко*, Белый волхв?

– Волхв Полян.

– Не знаю такого.

– Мирское имя Егор Крутов, живёт в Ветлуге. Его мало кто знает. Хотя он, по слухам, родом из наших мест. Говорят также, он бывший отшельник, а ещё раньше служил полковником спецназа.

Борислав Тихонович усмехнулся:

– Странен выбор Зимогора... хотя ему видней было.

– Поживём – увидим. Понял я тебя, Борислав, прав ты: надвигаются тучи. Надо принимать меры.

Онуфрий Павлович поднялся.

И в этот момент брызнуло, разлетаясь на осколки, стекло учительской, в помещение влетел обломок кирпича, завернутый в бумагу, ударился о стул, упал на пол.

Борислав Тихонович замер.

Онуфрий Павлович тенью переместился к окну и успел заметить мелькнувшую за оградой Школы спину метателя.

– Кто? – метнулся к нему Шерстнев.

– Мальчишка совсем, лет четырнадцати. Таких легко уговорить на любой поступок.

Онуфрий Павлович поднял обломок кирпича, развернул бумагу. На грязном белом листе из обыкновенной школьной тетради в клеточку были накорябаны слова: «Уберайтесь вон! А то сожжём школу! Диривенские зашытники».

– Зашытники, – повторил, усмехнувшись, пестователь. – Хорошо их грамоте учили – восемь ошибок в восьми словах!

– Их кто-то наускал.

– Разумеется, смысл-то понятен. Узнать бы, кто подбил пацана на эту пакость. – Онуфрий Павлович спрятал бумажку в карман, сунул директору ладонь. – Будь осторожен, Борислав, не случилось бы беды до начала учебного года. Я поговорю с кем надо, Школу подстрахуют. А ты пока стекло вставь и поглядывай по сторонам.

Они вышли через центральный вестибюль здания, никого вокруг не увидели. Онуфрий Павлович оседлал велосипед и, махнув рукой, уехал.

Борислав Тихонович вызвал сторожа, вдвоём они вставили разбитое стекло учительской.

– Отродясь бандитов у нас не было, – проворчал сторож Иван Клавдиевич, отставник-офицер, вернувшийся недавно на родину. – Узнаю, кто это сделал, уши оборву!

– Не надо ничего обрывать, – вздохнул Шерстнев. – Проблема лежит глубже, ушами не обойдёшься..

Сторож поворчал ещё немного и ушёл делать обход территории Школы, сказав, что на ночь сядет в засаду.

Борислав Тихонович улыбнулся. Засадами убережёт Школу от будущих потрясений было нельзя. Подул злой холодный ветер, солнце зашло за тучи, и этой «метеорологией» должны были заняться компетентные органы Вечевой службы Рода.

Зазвонил телефон.

Шерстнев посмотрел на него с лёгким удивлением, снял трубку.

– Это директор? – заговорил в трубке звонкий юношеский голос.

– Слушаю вас.

– Сегодня тебе было предупреждение. Закрывай свою школу к е...ни матери! Понял?!

– Кто звонит? – кротко осведомился Борислав Тихонович.

– Х... в пальто! Больше предупреждений не жди! У тебя есть сын, племяшка, да и жена ещё ничего, – в трубке хихикнули, – сойдёт на пару раз. Усёк?

– Усёк. – Борислав Тихонович положил трубку.

В голову пришло старое шутовское изречение: ученье – свет, а неучёных – тьма.

Тот, кто опёрся на местных бандитов, неучёным не был. Он точно знал, что нужно делать, добиваясь своей цели.

– Не закрою! – вслух пообещал Шерстнев неизвестно кому.

Глава 3

ВЗЯТЬ ЕГО!

Жуковский район

Семён Блющев появился в селе Гришина Слобода аккурат в тот год, когда здесь открылось первое на весь район медицинское училище.

Псих – кличка прилипла не сразу – его назвали год спустя, при задержании после первой попытки изнасилования. Но просидел он в СИЗО всего несколько дней, получил медицинское свидетельство «больного на голову». А до этого молодой человек считался выходцем из добропорядочной семьи, культурным и высоконравственным человеком, закончил Ростовский госуниверситет на «четыре» и «пять». Занимался спортом – получил звание кандидата в мастера по боксу. Вёл здоровый образ жизни, не пил, не курил и сплачивал вокруг себя коллектив из боксёров, каратэков и прочих суровых парней. От армии ему каким-то образом удалось отвертеться, и после окончания экономического факультета университета Блющев сначала устроился в Брянске, а потом переехал на родину, в Гришину Слободу.

Здесь он поработал в сельской администрации инспектором по экологическому надзору: родственники помогли, занимавшие немалые посты в районном чиновничестве, но вскоре создал Клуб спортивного совершенствования, став его президентом, добился постройки комплекса, и Гришина Слобода, начавшая было развиваться как городок, затаила дыхание.

Сначала стали жаловаться на приставания «спортсменов» девушки медучилища. Потом ученики местного ПТУ, которые попытались дать отпор «спортсменам».

Милиция бездействовала, случаи нападений, угроз и расправ множились, заявления изнасилованных девушек исчезали бесследно, и училище начало пустеть: испуганные произволом девушки переставали учиться, уезжали в другие города области, а новых заявлений на поступление в училище появлялось все меньше и меньше.

Блющева задержали ещё раз, и снова он вышел на свободу: во-первых, подвергшаяся его «ухаживаниям» девушка забрала заявление из милиции, во-вторых, ему снова дали справку с диагнозом «шизофреническое расстройство». Вот тогда местные деревни и поняли, что такое власть отморожков, опирающихся на местную официальную власть. По сути, созданный Блющевым Клуб стал обыкновенным прикрытием банды, терроризирующей население района, и обуздать её не спешили ни в милиции, ни в прокуратуре, где сидели родственники самого Психа и его «спортсменов».

Двадцать седьмого августа домой к Семёну – жил он в новом кирпичном доме на окраине Гришиной Слободы, на берегу речки Ветьмы – заявился гость.

Они были знакомы уже полгода, и всегда гость приходил не ради пустопорожнего времяпровождения в Клубе или местном ресторане, принадлежащем двоюродному дяде Семёна, Евгению Косогазову, прозванному Косоглазым. Звали гостя Зиновием (фамилию его Псих не знал), и был он дьяконом в Велейской церкви Кирилла и Мефодия. Свои задания Семёну, командующему «спортсменами», он всегда щедро оплачивал, а что стояло за этим человеком, Псих не задумывался.

Зиновий на вид выглядел сорокалетним мужчиной во цвете сил, носил волосы по плечи и бородку клинышком. Церковные одежды он надевал только на службе, а вне её передвигался исключительно в гражданском и только на автомобиле; у него был «Фольксваген Пассат» последней модели.

Блющев принял гостя в кабинете президента Клуба, на втором этаже добротного, хорошо спланированного комплекса, где имелись комнаты для занятий борьбой, боксом, рукопашным боем, а также спортивный зал, где можно было играть в баскетбол и волейбол, небольшое кафе

и игровой зал с автоматами и рулеткой. Никто не догадывался, на какие деньги был построен в небольшом селе этот комплекс, достойный крупных городов. Лишь Блющев знал, от каких господ из Москвы он получил «социальный заказ» на строительство сооружения.

– Мы его предупредили, – сказал Семён, усадив гостя в кресло. – Но он не внял. Пацаны узнали, что к нему в Школу записались еще трое детей.

Зиновий окинул плотную фигуру Психа оценивающим взглядом, сделал жёсткое лицо.

– Плохо предупреждали! Сам он редко показывается на людях, поэтому займитесь его родственниками – женой и племянницей. Объяснить, что нужно сделать?

– Не надо, – криво улыбнулся Блющев. – Сколько?

Он имел в виду оплату заказа.

– Как обычно, – пожал плечами Зиновий, беря с блюда яблоко. – Хотя ты мне ещё должен за прошлый раз. Не доделал дело до конца.

– Я вам ничего не должен...

– Ошибаешься, дружок, я многое тебе позволял, да и с Клубом помог, иначе он никогда бы не открылся. – Зиновий захрустел яблоком. – Так что ты уж постарайся, докажи, что мы не зря тебя выручали, ксиву психушечную доставали. Обойдись пока без мокрухи, но устрой директору Школы хороший джихад.

– Понял, – хмуро кивнул Псих.

Зиновий ловко бросил огрызок яблока в вазу на столе, поднялся и вышел, не прощаясь.

Тотчас же в кабинет президента заглянул мощного телосложения молодой человек с шапкой курчавых волос на голове.

– Чего ему было надо?

– Работа есть, – рассеянно сказал Блющев. – Ты племянницу Шерстнева знаешь?

– На кой она мне?

– Ей пятнадцать лет, худовата, правда, но тощие – самые активные. Надо её отловить и целку сломать. Сделаешь?

Курчавый ухмыльнулся:

– Сломать – не проблема, только он ведь директор.

– Закроет Школу и уедет. Готовь пацанов. Я тоже пойду.

Курчавый пожал плечами, достал мобильный телефон.

Утром двадцать восьмого августа Ксения Ромашкина встала рано – собралась с подружкой съездить в Брянск. Надо было купить себе кое-что из одежды на осень, походить по книжным магазинам: отец Ксюши собирал старые книги прошлого века, будучи заядлым библиофилом, – а ещё девушке или, скорее, девочке очень хотелось сходить в кино, в настоящий кинотеатр. Что смотреть – было не важно, главное – вдохнуть атмосферу «настоящей цивилизации», технологии которой настойчиво стучались в жизнь и захватывали воображение. К тому же кинотеатр в Жуковке до сих пор занимал частный клуб с рестораном, а новый строился уже три года и никак не хотел достраиваться.

Договорились сходить на недавно запущенный в прокат кинохит сезона «Логово зверя».

В шесть утра Ксения с Леной, соседской девчонкой, которой исполнилось столько же лет, сколько и самой Ксюше: обе перешли на второй курс медучилища, – уже сидели в маршрутном такси, за полчаса доставившем обеих на Жуковский железнодорожный вокзал. Без пятнадцати семь девочки сели в электричку, а в восемь пятнадцать сошли с неё на Брянском вокзале, весь путь посвятив обсуждению своих девчоночьих проблем.

Естественно, речь зашла и о парнях, которым симпатизировали будущие медсестры. Обе сошлись на мнении, что парни из Гришинослободского Клуба спортивного совершенствования, конечно, ничего себе, но слишком наглые и бесцеремонные, а их начальник Сёма Блющев и вовсе полный отморозок.

Девочки так и не заметили, что за ними в четыре глаза смотрят как раз те самые парни, о которых они судачили всё время. Причём эти молодые люди поехали за ними и дальше, сопровождая по городу, но так, чтобы объект слежки их не увидел.

День закончился хорошо.

Ксюша и Лена объездили кучу магазинов, купили себе всё, что хотели, побродили по книжному рынку и сходили в кино. Фильм понравился, о чём они долго потом рассуждали, вспоминая эпизоды.

В Жуковку девочки приехали в семь часов вечера, встретили подружку, поболтали и сели в последнюю маршрутку, идущую через Фошню в Дубраву. Кроме них в машине оказались две пожилые женщины, старик с двумя плетёными котомками, семья из четырех человек: папа, мама и двое мальчиков, не желавших сидеть смирно, – а также двое парней, то и дело обменивающихся кривыми полуулыбками.

К Фошне подъехали, когда уже стемнело.

Однако парни не стали ждать остановки на центральной площади села. Как только впереди появились огни окраины, один из них наклонился вперед и приставил к шее водителя нож:

– Останови!

Водитель, пожилой армянин, охнул, остановил такси.

Приятель парня с ножом достал второй тесак, направил на Ксюшу:

– Выходи! Быстро!

– Зачем?! – удивилась Ксения.

– Прокатимся, – ухмыльнулся парень; его Ксения не знала, он был не из местных.

– Оставьте её в покое! – возмутилась Лена.

Парень направил нож на неё:

– Заткнись! Проткну как шарик!

Лена, побледнев, откинулась на сиденье, прижав к груди сумочку.

Пожилые женщины и старик зароптали, но тут же замолчали, когда парень зыркнул на них по-волчьи:

– Тихо, деревня! Ничего с ней не случится! Погуляем и вернём. Нравится она одному хорошему человеку. Выходи, медичка!

Ксюша подхватила пакет с покупками, покорно вылезла из маршрутки.

Тотчас же из-за поворота вывернулся чёрный «Фольксваген Пассат», остановился в пяти шагах. Открылась дверца, на дорогу вышел накачанный молодец с курчавыми волосами, помахивая Ксюшу пальцем:

– Иди сюда.

– Не пойду! – вздёрнула голову девушка.

Парень с ножом, вылезший следом за ней из маршрутки, толкнул её в спину:

– Иди, дура!

– А ты езжай! – приказал второй налётчик водителю маршрутки.

– Ксения! – крикнула Лена, прижав лицо к стеклу.

Дверь маршрутки захлопнулась. Машина тронулась с места, медленно покатила к деревне.

Курчавый спортсмен приблизился к замершей Ксении расхлябанной походкой, оглядел её, стоящую в лучах фар «Фольксвагена», покачал головой:

– Селёдка... у меня на таких не стоит... пошли поговорим. – Он грубо ухватил Ксению за локоть.

Она вдруг вырвала локоть и бросилась бежать.

– Ловите, кретины! – заорал кто-то из машины, и на дорогу выпрыгнул Семён Блющев в спортивном костюме.

Двое парней погнались за девушкой, настигли, повалили на землю. Она закричала. Ей заткнули рот ладонью. Она укусила курчавого за руку. Тот заорал, ударил Ксению наотмашь по лицу. Девушка замолчала. Возня продолжалась ещё какое-то время. Наконец парни справились с девушкой, держа её за ноги и за руки, один разорвал блузку, второй начал стаскивать трусики.

Подошёл Блющев с ещё одним «спортсменом», ухмыльнулся, разглядывая тело Ксении.

– Ну, кто первый?

– Давай я, – вызвался курчавый, облизнув губы.

– Не, я первый, – качнул головой Псих. – Не такая уж она и худая. Держите крепче.

Он начал снимать штаны.

И в этот момент рядом возникла смутная тень.

Ойкнул, падая, курчавый.

За ним начали падать остальные парни.

Ксения, освободившись от захвата, вскочила, загораживаясь руками.

Блющев сообразил, что происходит нечто странное, подсмыкнул штаны, бросился бежать, но ушёл недалеко.

Тень настигла его. Раздался удар, и Псих полетел вперёд по воздуху как птица, ударился головой о капот «Фольксвагена», сполз на дорогу.

Стало тихо.

Тень сгустилась, обретая форму человека. Раздался негромкий хрипловатый голос:

– Успокойся, девочка, свои. Добежишь до дома?

Ксения судорожно кивнула, пытаясь запахнуть на груди разорванную блузку.

– Иди и ничего больше не бойся. С этого момента они не будут хулиганить и бандитствовать, обещаю.

Лица говорившего не было видно, но чувствовалось, что он улыбается.

– К-кто вы?

– Этого тебе знать не положено. Зови меня Неизвестным. Если придёт милиция, скажешь, что я из ЧК.

– Откуда?

– ЧК – это Чрезвычайная Комиссия, которая вскоре наведёт здесь порядок. Теперь иди.

Ксения кивнула, послушно направилась к деревне, спотыкаясь, оглядываясь на лежащие тела «спортсменов», на машину с горящими фарами. Когда исчез человек из ЧК, она не заметила. Его просто не стало, и всё.

Однако не успела девушка отойти от места происшествия на сто метров, как послышался шум машин, и на дороге показалась маршрутка и за ней дядина «Лада Калина». Машины остановились. Из маршрутки с визгом выскочила Лена, бросилась к подруге:

– Ой, ты живая! Ой, ты ещё здесь! Ой, как хорошо! Ой, что там такое?!

Из «Калины» выбрался Шерстнев, за ним отец Ксении. Оба подбежали к заплакавшей девушке. Отец прижал её к себе, начал гладить по волосам. Шерстнев двинулся к «Фольксвагену», оглядываясь по сторонам, наткнулся на «спортсменов», начавших шевелиться, придать в себя.

Лишь Семён Блющев не подавал признаков жизни, скорчившись под бампером своей машины. Через несколько минут стало ясно, что Псих мёртв.

Глава 4

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Жуковка

Бывшему капитану спецназа ГРУ Глебу Евдокимовичу Тарасову по кличке Старый пошёл сорок второй год.

До вступления в Общину «Родолюбие» он успел послужить в группе «Хорс», принадлежащей Службе безопасности президента, постиг тайны древних славянских боевых искусств – суева и боливака, помог Витязям Рода уберечь от расправы Сергия, мальчишку, способного стать будущим объединителем России, а также вступить в схватку с чёрными магами и достичь уровня Витязя.

Посвящение в сан Витязя он получил уже после боя с конунгами, когда наступили холода, приняв из рук белого волхва, Хранителя Рода, талисман Силы – колечко из нечернеющей меди с выгравированной на нём семилучевой звездой.

Год спустя Тарасов женился на Софье, сестре Дмитрия Булавина, президента Вологодской школы выживания «Белояр», с которым ему довелось бок о бок сражаться с носителями чёрных замыслов. После этого Тарасов и Софья, забрав дочерей, переехали из Москвы в Жуковку, Брянской губернии, где и остались жить в старом доме Клавдии, тётки Софьи.

Софья устроилась учителем русского языка в Жуковской средней школе, сам же Тарасов основал филиал школы «Белояр» и стал его руководителем, одновременно постигая тайны древнейшей системы самозащиты *жива*, обучая своему мастерству десятки мальчишек и молодых парней со всей округи. Школа в течение последующих лет и стала основой местной Общины «Родолюбие», несмотря на давление местных властей и влиятельных лиц ортодоксальной Православной церкви в Брянске.

Молодой батюшка, основатель Новой жуковской церкви, сначала отнёсся к появлению притягательного для местной молодежи центра с настороженностью, несколько раз внимательно наблюдал за играми и занятиями в Школе, затем понял, что ничего плохого это движение не несёт, и проповеди «о нехорошем соседстве» пастве читать не стал. А вот брянские священники учуяли ослабление собственного влияния на деревенские массы и предприняли множество нападков на школу «Белояр» и её руководителя, пока не получили совет из Москвы, от людей из администрации президента, школу не трогать. И отступились на время.

Лишь сам Тарасов знал, что это поработали *пестователи* Общины, оберегающие подобного рода общественные движения, имеющие своих людей в высших эшелонах власти. Правда, и у них были могущественные враги, не желавшие скорого возрождения России, а тем более – подъёма славянства.

Девочки, Акулина и Оленька, первая – от первой жены Тарасова, вторая – от первого мужа Софьи, – закончили пятый класс средней школы, и Глеб решил отдать их в Школу Шерстнева, с которым не был связан лично, однако знал об этом Учителе по связям Общины. Что территориально Школа располагалась не в Жуковке, а в Фошне, его не волновало. Он мог отвозить девочек туда и обратно на машине, а мог оставить их на полный недельный пансион, как это делали многие родители из сёл и городков Жуковского района. Это поощрялось, так как дети учились в Школе по методикам, недоступным обычным учебным заведениям, и усваивали материал не по дням, а по часам.

В июне к Тарасовым заглянул сам Дмитрий Булавин и привёз Сергия, по рождению – Световида, которому прочили славу Объединителя и Светителя Русского Рода. Мальчику тоже исполнилось тринадцать лет, он закончил девятый класс в Ладославле и одновременно – филиал Школы Шерстнева, и теперь ему надо было за год подготовиться к поступлению в

институт; парень хотел учиться в Московском физтехе. Лучшим же учебным заведением для подобного рода процессов по-прежнему считалась Школа Шерстнева, и волхвы Рода не нашли выхода лучше, нежели отдать парня доучиваться к самому Учителю.

Впрочем, это была не единственная причина, по какой Сергия решили вывезти из Ладославля. Как бы ни была искусна защита Серебряного мальчика на его родине, чёрные маги всё-таки начали догадываться, где он живёт, и руководители Катарсиса поспешили удалить его от мест, по которым поползла змеиная разведка Синклита.

– Хорошо, – сказал Тарасов, обрадованный появлением друга. – Без проблем. Пусть остаётся. Будет жить с нами и учиться в Школе вместе с девочками. Один вопрос: охрана?

– Будет, – успокоил его Булавин, раздавшийся виришь за последние годы и напоминавший обликом богатыря. – Пока я тут с вами пару недель поживу, а потом здесь поселится кто-нибудь из Витязей тебе в помощь.

Булавин уехал домой в конце июня, однако никто ему на замену не явился, и Тарасов решил, что задание по охране Сергия выдано лично ему. Пришлось провести анализ положения Школы и включения Сергия в существующую систему местных общественных связей. Надо было уберечь мальчишку от случайных знакомств, а тем более встреч с агентами конунгов, которыми могли стать обычные люди или, что было более реально, чиновники местных хозяйственных и правоохранительных служб района.

В принципе Тарасову, как Витязю, уже не раз приходилось рассчитывать уровни выживания того или иного субъекта защиты; Софья не знала подробностей служебных обязанностей мужа, хотя догадывалась о роде его занятий, но никогда не напоминала о себе и ни в чем не упрекала; она была идеальной женой, посвятившей себя воспитанию дочерей и работе учителя словесности.

Сначала Тарасов рассчитал самый низкий уровень общественного воздействия на Сергия – уровень физического пространства малого городка Жуковка.

Здесь почти никто не знал семью Тарасовых, поселившуюся на краю городка, на улице Гомонова. Соседи оказались милыми людьми, быстро познакомились с переселенцами, и их внуки, внучки и племянницы с удовольствием устраивали общие игры, вместе ходили в школу или ездили с Тарасовыми отдыхать на реку Десну. С их стороны каких-либо козней можно было не ждать.

Школа также хорошо приняла девочек Тарасова, отличавшихся уступчивостью и старанием, и могла бы принять и Сергия, если бы не тот факт, что он своё среднее образование уже закончил, несмотря на совсем юный возраст.

Окружение самого Глеба Евдокимовича, сложившееся за несколько лет упорной работы, подбиралось им в соответствии с тем характером, каким обладал он сам, поэтому всё это были люди честные, работающие и совестливые. Подступиться к ним агентам конунгов, если таковые и окопались в Жуковке, было непросто. Компромата на них не существовало. И все они сразу дали бы знать руководителю школы об интересе, проявленном к нему лично и к его семье со стороны незнакомых людей.

Таким образом, в Жуковке Сергию пока ничего не грозило, и он мог спокойно заниматься в Школе Шерстнева и одновременно в «Белояре»: мальчик с увлечением постигал азы боевых искусств, не чураясь детских игр и занятий русским языком с «мамой» Софьей.

Затем Тарасов проанализировал состояние природной матрицы на уровнях губернии, всей страны и мирового сообщества, нашёл целую сеть «чёрных паутинок» – интересов Синклита, свившего гнездо в Брянске, и понял, что долго жить в покое и довольствии ему не дадут. В районе начались странные социальные подвижки, окреп бандитский Клуб спортивного совершенствования в Гришиной Слободе, появились удивительные секты типа Новой Истинной Веры, рядящейся в псевдославянские одежды, милиция окончательно попала под влияние коррумпированных властных структур, и ждать каких-то перемен осталось недолго.

Тем не менее Тарасов посоветовался кое с кем из тех достойных деятелей, кто помогал ему в становлении «Белояра», и на основе анализа разработал план действий, представляющий по сути план превентивных мер на случай появления скрытых или явных угроз. Таким образом Сергей стал для всех окружающих сыном Тарасова, обучавшимся где-то на родине, в Ярославской губернии, а теперь вернувшимся в семью.

Мальчик прижился быстро. Он вообще рос покладистым, всегда готовым помочь, открытым и дружелюбным. Любил заниматься в саду, задумчиво рассматривать цветы, возиться с растениями, мастерил планеры, но особенно ему нравилось ходить в лес по грибы, что весьма радовало Глеба Евдокимовича, заядлого грибника. Дочери к этому занятию относились с прохладцей. Да и жена почему-то побаивалась леса, хотя с мужем иногда совершала прогулки по ближайшим грибным местам, отступившим от Жуковки из-за отсутствия хорошей службы лесничества и замусоренности лесов.

Радовало Тарасова и рвение Сергея к учёбе. По сути, мальчик был уже готов к поступлению в Физтех и даже мог бы, наверное, сдать экзамены за первый курс. Во всяком случае он привёз с собой кучу пособий, учебников, а главное – ноутбук и специальные программы для занятий в Интернете, и пользовался каждой свободной минутой для пополнения знаний. При этом Сергей не увлекался играми и совсем не интересовался каналами для получения «дурного опыта», как сказал Дима Булавин. Ни «эротика», ни «приятные знакомства», ни «ню-шоу» мальчика не волновали.

До конца августа Сергей окончательно стал своим в семье Тарасовых, ни разу не дав Глебу Евдокимовичу пожалеть о своём решении.

А поздно вечером двадцать восьмого августа к нему вдруг постучался гость, которого он совсем не ждал.

Гость был гладко брит, причём везде; то есть круглая голова его не имела волос и в свете уличного фонаря бросала блики, как полированная кость. Поэтому Тарасов не сразу признал в нём старого друга.

– Никифор? Хмель?!

– Он самый, – усмехнулся бывший майор спецгруппы «Тайфун».

– Вот уж кого не ждал! Заходи.

Они прошли в дом.

Тарасов зажёл свет в кухне, плотно задёрнул занавески, с любопытством оглядел соратника по войне с конунгами.

– Что, изменился? – снова усмехнулся скупно Хмель.

– Есть немного. С волосами ты смотрелся иначе.

– Каждому времени свои волосы. Зато ты практически не изменился. Сколько мы не виделись? Лет пять?

– Что-то около того. Какими ветрами тебя занесло в наши края?

– Криминальными.

– Ты по-прежнему работаешь в команде по перевоспитанию чиновников?

– Нет. КОП расформирована, президентские структуры почти полностью попали под влияние агентуры Синклита. – Хмель бросил взгляд на графин с водой. – Нам пришлось реанимировать ЧК.

– Есть хочешь? – спохватился Глеб Евдокимович; он был в майке и шортах.

– Скорее пить, – ответил Никифор, одетый в джинсы и серую рубашку с погончиками; в руках у него ничего не было, лишь на поясе висел пенальчик с мобильным телефоном.

– Мои спят...

– Не вздумай будить, пусть спят. Я у тебя прокантуюсь до утра, а в шесть уеду в Брянск. Где тут у тебя можно тихо помыться?

– Залезай в ванну.

Пока гость мылся, Тарасов включил чайник, сварганил бутерброды с сыром, порезал овощи, выставил вазу с яблоками.

Хмель вышел посвежевший, вытирая мускулистый торс полотенцем, пригладил череп ладонями, уселся за стол.

– Кайф после жары!

– Пьёшь? Могу предложить местную водку, вино, пиво.

– Разве что пиво, особенно если холодное. Позволяю себе изредка, знаешь ли, когда жарко. Остальное – лишнее. Сам-то потребляешь?

– Нет.

– Жена смотрит косо?

Глеб Евдокимович улыбнулся:

– Софья не может смотреть на меня косо. Мы понимаем друг друга с полуслова. Твоя как? Дети есть?

– А как же. – Взгляд Никифора потеплел. – Двое, все пацаны. Шарифа в норме, работает в комиссии МЧС, часто в командировках, так что я больше один, чем с ней. Зато потом встречи получают...

– Понимаю. Ладно, ешь и рассказывай. Наших кого-нибудь видел?

– С Ираклием встречался зимой, такой же лысый, как и я. Мы с ним смотримся как братья.

– У него всё нормально с Марией?

– Похоже, она наконец поняла, что он единственный, кто любит её по-настоящему. Живут душа в душу. Сыну Сергею уже тринадцать, вымахал под метр восемьдесят, учится в местной Школе Шерстнева. Слышал о такой?

Тарасов наметил улыбку, уловив косой взгляд гостя.

– Можешь не проверять, у нас тут рядом, в Фошне, такая же Школа располагается. Мои с сентября начнут там учиться.

– Я тут из-за неё.

– Это интересно. Имеешь право поделиться?

– Мы в одной лодке, Витязь, ты обязан знать, что творится вокруг. Кстати, что в стране делается, знаешь?

– Сделал недавно структурно-социальный анализ, хреновые дела, если честно.

– У меня по этому параметру собрана вся информация, в особенности что касается общего состояния преступности. После распада Союза в начале девяностых преступность в России представляла некоторое количество бандформирований, кучкующихся по территориальному признаку.

– «Солнцевские», «таганские»...

– «Тамбовские», «краснодарские», «владивостокские» и прочие. В основном – «творческие союзы» бывших спортсменов и уголовников.

– В Гришиной Слободе у нас родился такой такой союз – Клуб спортивного совершенствования.

– Да знаю, – поморщился Хмель. – Из-за него меня и направили сюда, хотя я отвечаю за другой регион. Тебя не стали вовлекать в это дело, ты на виду, и на тебе Серебряный мальчик.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Ну, если ты делал соцанализ, должен сам всё сообразить. Закончу мысль. Когда в конце девяностых у бандитов появились деньги, они стали подкупать сотрудников правоохранительных органов и чиновников.

– Что происходит и сегодня сплошь и рядом.

– Силовики занялись «крышеванием» бандитских структур. Затем после приватизации появились **очень** большие деньги, и оргпреступность слилась в экстазе с новыми хозяевами жизни. Что это породило?

– Начался процесс ассимиляции.

– Точно! Бандиты ринулись в коммерцию, превратились в «уважаемых бизнесменов», подались в политику, пересели в машины с мигалками, да ещё и с милицейской охраной...

– А силовики вместо них начали ездить на «стрелки»...

– И решать другие вопросы с помощью отстрела мешающих. Друг мой Егор, преступность продолжает расти! Её уже не уничтожишь на среднем уровне, только сверху! Надо нейтрализовать высшие властные структуры, вплоть до Генпрокурора и выше! Конунги это понижают и прибирают к рукам все нужные посты в государстве.

– К чему это ты?

– К тому, что меня, Витязя, направляют разбираться не на тот уровень, какого я достоин. Клуб спортсменов в Гришиной Слободе – мелкая проблемка, с которой должны управляться наши люди на местах. А я с трудом успел уберечь одну девочку... – Никифор замолчал, сунул в рот бутерброд.

– Какую? – не дождался продолжения Тарасов.

– Племянницу Шерстнева. В Катарсисе узнали, что его хотят припугнуть, заставить сократить численность Школы, которая превращается в эгрегор светлых сил. Пришлось мчаться к вам, вспоминать былые навыки.

– Успел?

– Только что из Фошни. Завтра в газетах или по телику новости узнаешь. Но это только полдела. Ниточки Замысла тянутся к местной Новой церкви и в Брянск. Буду заниматься ими какое-то время.

– Давай я помогу.

– Не шебуршись, Старый, у тебя другие заботы. Береги Сергия. С государственной мафией и повязанными ею по рукам и ногам чиновниками будет бороться другая команда.

– Ты же сказал, КОП распущена.

– Зато создан «Овёс».

– Что?

Хмель улыбнулся:

– Особый отряд по восстановлению справедливости, сокращенно «Овёс». Так ласково его прозвали члены отряда.

– Ты тоже в этом отряде?

– Нет, я чекист, на мне лежат задачи аварийного плана, когда требуется быстрое и прямое воздействие на ситуацию. Обычно же наша превентивная служба рассчитывает вектор воздействия на десяток ходов вперёд, чтобы само воздействие выглядело как случайность.

– Д-трафик... неужели работает?

– Милый мой, война нынче ведётся сначала в пространстве планов, замыслов и намерений, а уж потом на физическом уровне. Наш враг силен, умён и могуч, и справиться с ним можно, только переняв, изучив и применив его же хитрости и умения. А рассчитывать трафики он умеет. Возникновение Клуба спортивного совершенствования практически рядом со Школой Шерстнева и является по сути трафиком. Местные деятели Катарсиса этого почему-то не учли. Что очень странно. Приеду домой, поделюсь с начальством своими соображениями по этому поводу.

– Утечка информации?

– Может быть, утечка, может, прямое предательство. Мы тоже люди, понимаешь ли. – Никифор изобразил красноречивую ухмылку. – Поддаёмся соблазнам.

– Витязи?

– Не о нас лично речь. Но упорно проталкиваемый «Эсэсэром»¹ Проект Нового Управления Человечеством, начавшийся, между прочим, с внедрения в России в сфере образования Единого государственного экзамена, имеет некоторое количество весьма соблазнительных постулатов, за которыми удобно прятать прямо противоположные намерения. Не все, к сожалению, в Катарсисе это понимают. Но не будем о грустном. Где ты меня положишь?

В кухню вдруг тихо вошла Софья, на ходу застегивая халатик, улыбнулась:

– Никифор!

– Софи! – Хмель встал из-за стола, обнял женщину. – Рад тебя видеть. Ты не изменилась. Извини, что разбудил.

– Ничего страшного, выплусь. Муж хоть накормил-то? – Софья бросила взгляд на стол. – Конечно, по-мужски, а у меня в холодильнике мясо запечённое стоит, в фольге.

– Забыл, не глянул, – почесал в затылке Тарасов.

– Тоже мне хозяин.

– Так ведь у нас ты хозяин, – сделал лъстивое лицо Тарасов.

Софья засмеялась, открыла холодильник, глянув на Никифора:

– Ты ему веришь?

– Конечно, – с готовностью подтвердил Хмель. – Я точно знаю, что ради тебя он готов на любой подвиг, даже отдать все обязанности по дому.

Тарасов тоже засмеялся.

Софья погрозила обоим пальцем:

– Мужская солидарность в самом извращённом виде. Мясо греть?

– Не стоит, – отказался Никифор. – Не хочу ложиться с набитым желудком. Чаю вот попою, и спать.

– Как хочешь. Отведай нашего варенья, свеженького. Я наварила земляничного и малинового, вот он в лес ходил с детьми.

Софья кивнула на мужа, достала варенье, розетки и ушла.

– Пейте, спокойной ночи.

Никифор с удовольствием напился чаю с вареньем, поговорил с хозяином о том о сём и лёг спать на веранде, защищённой от комаров не только сетками на дверях и окнах, но и волшебным *словом*, которому научили Тарасова волхвы.

В шесть утра Хмель тихо исчез, никого не разбудив, оставив только записку, что, возможно, он ещё побывает в гостях через пару дней.

Тарасов обругал себя, что не догадался встать пораньше и накормить друга, покачал головой. Никифор никогда не отличался особой застенчивостью, однако не любил никому надоедать и быть в тягость. Хотя сам был хозяином гостеприимным.

Послonyaвшись по дому и поняв, что больше не уснёт, Глеб Евдокимович решил съездить по грибы. Тем более что этот год выдался урожайным: бывалые грибники набирали зараз по два-три ведра боровиков.

Стараясь не шуметь, он собрался, стал искать кепку и наткнулся на пороге на Сергея. Мальчик был уже одет, в глазу – ни тени сна.

– Можно я с тобой?

Тарасов хмыкнул, поколебался, прижал палец к губам:

– Что с тобой сделаешь? Тихо, не буди остальных. Как ты учуял, что я собрался в лес?

Сергей смущённо улыбнулся, повёл плечом.

Тарасов прижал его к себе, подтолкнул к двери:

– Бери лукошко, идём.

Они вышли во двор.

¹ Имеется в виду СССР – «Система социальной стабилизации реальности», разрабатываемая Синклитом чёрных магов.

Рассвело, хотя солнце ещё пряталось за зубчатой кромкой леса на востоке. Было прохладно, однако чувствовалось, что день будет жарким.

Глеб Евдокимович завёл свою синюю «Импрезу» восьмилетней давности, купленную ещё в Москве, но исправно продолжавшую службу, и машина, басовито заурчав мотором, выехала со двора.

Вокруг Жуковки почти все леса были завалены упавшими деревьями и заросли травой, поэтому грибные места надо было искать подальше от города. Тарасов любил ездить в Ковали, маленькую деревушку в пятнадцати километрах от Жуковки, на краю болотца, где местные жители показали ему и сказочно обильный малинник, и земляничные поляны, и богатые грибные наделы, где росли подосиновики, белые, подберезовики, грузди и опята.

Доехали до Ковалей за четверть часа.

Поставили машину во дворе деда Ивана, с которым сдружился Тарасов, по утреннему холодку – только-только перевалило за семь часов – двинулись в лес, обойдя домики деревни по тропинке, огибающей болотце. Практически сразу же, в небольшой дубовой рощице, наткнулись на семейство белых. А чуть подальше, в распадке во мху, нашли чуть ли не целое поле лисичек.

Сергий запел.

Судя по всему, этой песенке его научил кто-то из старших, так как в ней встречались словечки типа «круголя» и «дрябко», а смысл её сводился к тому, что «не жалуйся, а живи и радуйся».

Через час у обоих было по полному лукошку роскошных лесных красавцев, а у Тарасова ещё и пакет с лисичками и рыжиками. Решили отдохнуть. Сели на горбики у мшистого пня, достали несложную снедь: огурчики малосольные, помидоры, варёные яйца (Софья сварила их ещё вчера, для окрошки), хлеб, Тарасов открыл термос с горячим чаем, и оба с аппетитом позавтракали, испытывая одинаковое наслаждение от чистейшего воздуха, тишины и простой, но вкусной еды.

И вдруг Глеб Евдокимович почувствовал неуютное дуновение холодного ветра. Настоялся, сравнивая это ощущение с внутренними показаниями сторожа организма, и понял, что учуял *чужое* присутствие. Стало ясно, что в лесу, совсем недалеко, появились недобрые люди. Двое. И обоих явно интересовали грибники.

Тарасов посмотрел на Сергия, встретил его ответный понимающий взгляд.

– Они давно идут за нами, – тихо сказал мальчик.

– Что же ты сразу не сказал? – нахмурился Тарасов.

– Думал, ты знаешь.

– Такое впечатление, будто они включили фонарь.

– Мне они не нравятся.

– Мне тоже. Попробуем познакомиться?

– Зачем? – пожал плечами Сергий. – Я могу накрыть нас *непроглядом*.

Тарасов подумал:

– Хорошо, накрой. Но я бы всё же хотел выяснить, кто это и что им надо. Посиди здесь минут пятнадцать, никуда не уходи. В случае чего – покричи.

– Я их вижу...

Тарасов прищурился, разглядывая серьёзное лицо маленького *ведича*, как говорили в народе о несовершеннолетних колдунах.

– Как ты их видишь?

– Ну... почти так же, как тебя.

– Интересно... волхвы называют это устроением тям. Опиши их.

Сергий закрыл глаза, поворочал головой туда-сюда.

– Один такой молодой, в спортивном костюме, небритый... у него рюкзак за плечами... холодный...

– Почему холодный?

– Там всякие металлические предметы... злые...

– Оружие?

– Наверное, оружие.

– Второй?

– Этот старше, как ты, худой и высокий, с бородкой, в кожаном костюме. У него очень злая аура...

– Он вооружён?

– Не... палка в руке...

– Посох.

– И нож на поясе...

– Понятно. Странная пара. Что они делают?

Сергий снова покрутил головой справа налево и обратно.

– Смотрят в нашу сторону. Молодой достал бинокль... с такой ручкой сбоку... как телекамера с двумя объективами.

– Неужели «малый СЭР»?

– Что?

– Существует аппаратура для обнаружения противника за стенами и разного рода препятствиями, официальное название «малое средство для электронной разведки». Но откуда у этого спортивного хлопца СЭР? Такие штучки находятся только в ведении спецконтор. Да и зачем она ему в лесу?

Сергий промолчал.

Тарасов очнулся.

– Ладно, я всё же схожу к ним тихонько.

– Не надо, дядя Глеб, – попросил Сергей.

Тарасов хотел отшутиться, но посмотрел на смущённо-встревоженное лицо мальчика и передумал.

– А и правда, незачем мне туда идти. Бог с ними, обоими. Как ты думаешь, они пойдут за нами, если мы рванём через болото?

– Не надо через болото. – Сергей улыбнулся, пригладив свои удивительные серебристые, будто рано поседевшие, волосы. – Они нас и так не увидят.

– Тогда идём к машине, на сегодня грибы кончились.

Быстро собрались, упаковались, двинулись вдоль края болотца к просеке, ведущей к дороге на Ковали.

– Ну, как они там? – поинтересовался Тарасов, когда грибники выбрались на дорогу. – Не следят за нами?

– Нет, они на старом месте, – сморщил нос Сергей. – Смотрят туда, где нас нет. Я там оставил *шэньши*.

– Что? – не понял Тарасов.

– Это как живое что-то шевелится.

– Видеодвойник?

– Не двойник, но отличить от человека издали трудно.

– Кто тебя этому научил?

– Дедушка Пахом, пестователь.

– Кажется, я знаю, о ком ты говоришь. Ладно, избавились от слежки, и то хорошо. Посмотрим, найдут они нас в Жуковке или нет.

Грибники вышли к деревне и обнаружили стоящий в кустах джип «Патриот».

– Вот на чём они приехали, – пробормотал Тарасов, обойдя джип кругом. – Таких тачек тут не было. Интересно, где водитель?

– Может быть, их двое с водителем? – предположил Сергей.

– Может быть.

Тарасов оглядел дома деревни, никого подозрительно глядящего на них не увидел и направился к дому деда Ивана. Поговорили минутку с дедом, одетым, несмотря на жару, в ветхую гимнастёрку времён Отечественной войны и такие же галифе, и через полчаса были дома, в Жуковке.

Никто их не преследовал.

Как сказал Сергей, двое с биноклем, позволяющим определять цели, продолжали следить за «призраками», оставленными маленьким ведичем в лесу.

И тем не менее Тарасов сделал вывод, что за ним начали следить некие «недобрые люди», что вовсе не доставляло ему удовольствия и добавляло хлопот.

Глава 5

Я ЖЕ ФАНТАСТ!

Воронежская губерния

Усманский бор, названный так по имени протекающей через него небольшой речки Усмань, напоминает зелёный остров, окружённый со всех сторон сельскохозяйственными землями, индустриальными центрами и оживлёнными дорогами. Северную часть лесного массива занимает Воронежский заповедник, на краю которого лет двадцать пять назад местные власти разрешили жителям Воронежа строить дачные посёлки.

Говорили, что Усманский лес был заповедником ещё во времена Петра Первого – в нём брали древесину для постройки судов Российского флота. Но не трёхсотлетние сосновые боры и дубравы послужили причиной создания Воронежского заповедника, а бобры.

К началу двадцатого века этих грызунов почти полностью истребили, небольшая колония бобров выжила лишь в пойме реки Усмань. Для защиты животных в тысяча девятьсот двадцать третьем году организовали первый заказник, затем питомник, и к началу двадцать первого века удалось восстановить и весь ареал распространения бобров.

Увидеть их можно теперь везде по ручьям и вдоль Усмани вплоть до впадения реки в реку Воронеж. Однако кроме бобров в лесу можно встретить и благородных оленей, завезённых в Воронежскую губернию из Германии ещё в конце девятнадцатого века, и косуль, и лосей, и летучих ушанов. Естественно, это обстоятельство лишь добавляло интереса к постройке коттеджей в лесу, с которыми бесстрашно сражалась комиссия Минприроды по борьбе с незаконными постройками в природоохранных местах. Были застрахованы от судебных приставов только дачи вдоль просек и линий электропередач, даже если самих линий уже не существовало.

Чувствовал себя спокойно и отец Владлена Тихомирова, построивший домик в лесу, который он несколько раз достраивал и облагораживал, пока не превратил в усадьбу, где можно было жить в любые зимние холода.

Потом Денис Поликарпович умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти четырёх лет, и Владлен стал хозяином дачи, расположенной недалеко от кордона Ближний Бор, в двух километрах от села Боровое. К тому времени ему стукнуло сорок, и он, уже признанный писатель, практически переселился в Усманский бор, превратившийся в небольшой дачный посёлок, практически забросив двухкомнатную квартиру в Нововоронеже, городке атомщиков, где на знаменитой атомной электростанции когда-то работала мать Владлена, Зинаида, также умершая рано, ещё до смерти отца.

Владлен женился, но через год развёлся, понимая, что молодая жена (ей тогда исполнилось всего девятнадцать лет) просто искала приключений, а не любви и верности. После этого он смотрел на брак с сомнением и до сорока трёх так семью и не создал. Хотя очень жалел, что у него нет детей. Поэтому всё свободное время он посвятил двум страстям: спорту – Владлен был заядлым теннисистом, и собирательству книг – его библиотека старой фантастики со времён начала двадцатого века и до середины девяностых насчитывала более четырёх тысяч книг.

Широкоплечий, с прямой спиной, гордой посадкой головы, ни намёка на живот, выглядел Владлен по-спортивному подтянутым, и лишь заметные залысины, открывавшие высокий лоб, по его мнению, портили ему «всю обедню». Тем не менее он нравился женщинам, все редакторши московского издательства МОЭКС были от него без ума, и лишь избранный Владленом отшельнический образ жизни не позволял ему удариться во все тяжкие и менять подруг как перчатки.

Впрочем, подруги находились, на некоторое время принимали спортивно-подвижнический образ жизни Тихомирова, но не выдерживали долгого отсутствия светско-тусовочных мероприятий и тихо исчезали. Так Владлен и дожил до своих сорока трёх.

Тихомиров был известен в России не только как оригинальный писатель-фантаст, создавший несколько циклов произведений о завтрашнем дне России и мира, но и как последовательный защитник истинной истории славянского Рода, опиравшийся на исследования российских историков и эзотериков. За это его часто критиковали, зато книги Тихомирова сразу становились бестселлерами и уходили влёт, неся людям пищу для размышлений и груз информации, заставляющий их и дальше искать истину в нагромождениях официально поддерживаемых лживых исторических концепций, навязанных россиянам иноземными «учёными».

Владлен как раз закончил один из таких романов под названием «Время древнего молчания», в котором его герои убедительно доказывали несостоятельность «норманнских и варяжских» теорий рождения Руси, ведущей свой путь от древней Гипербореи. А так как его уже ждал накопленный на следующий роман информационный материал, Владлен отдыхать не собирался. Он лишь дал себе несколько дней на обдумывание концепции романа, которому присвоил условное название «Беспощадные, или Искатели жизни».

Основополагающей идеей романа должны были стать судьбы мировой цивилизации, сценарии глобального будущего, в котором России Запад отводил роль барьера между исламскими радикалами и террористами, Китаем и Европой, жаждущей быть над схваткой и управлять тем, что останется от этого мощного противостояния. Владлен прочитал на эту тему много различного рода материалов, в том числе и рассекреченные доклады ЦРУ и китайского Министерства госбезопасности своим правительствам. Подходы у этих ведомств к проблеме были разные, а выводы – почти одинаковые. Грезившие мировым господством военные отводили одну роль России – роль поставщика природных ресурсов, «стада рабов», а самой Земле русской – участь мировой свалки, куда остальные «лидеры цивилизации» могли свободно свозить запасы ядерных, химических, биологических и прочих отходов этой самой цивилизации.

Для романа же Тихомиров избрал слегка подкорректированный вариант такого сценария, названный в прессе «Спиралью Страх». В нём не только России, но и Европе грозили неслыханные катаклизмы и войны.

Суть «Спирали» была такова.

Радикальные исламисты создают «транснациональное теократическое общество «Новый халифат» и объявляют всему остальному миру «глобальный джихад».

Китай отвечает на угрозу, расширяя границы государства на юг и на восток. Начинается всеобщая террористическая война, в которой России приходится сражаться на два фронта. Война ведётся невиданными прежде методами, с помощью огромной сети законспирированных ячеек, рассыпанных практически по всем странам. Выявить их крайне сложно, так как все они действуют по своим планам и представляют собой фанатиков-смертников, использующих шкалу ценностей раннего Средневековья, когда жизнь человека не стоила ничего. И Европе, спрятавшейся «за спину» могучей России, и самой России приходится туго, потому что невидимой, но исключительно агрессивной силе, обладающей новейшими технологиями, противостоят старые структуры: танковые соединения, пушки, ракеты, генералы со штабами, бюрократы и предатели в министерствах, ничего не знающие о законах шариата и рвущегося к мировому господству Китая.

Однако по идее Владлена всё у него в романе должно было закончиться хорошо.

Россия преодолевала демографический спад, выстояла, победила, остановила нашествие, и над Землёй засияло солнце мира и дружбы.

Конечно, все эти коллизии служили ему только фоном для действий героев, которым Владлен симпатизировал и которых описывал с удовольствием и любовью. Им стоило подра-

жать, им не стыдно было сочувствовать, потому что они были благородны во всём, как бы это выпрессованно ни звучало.

Хватало в романе и фантастики.

Во-первых: здоровые силы страны победили, и в России отменили Единый государственный экзамен, существенно снизивший творческий потенциал учеников.

Во-вторых: родилось и укрепилось поколение паранормов, представляющих собой новый вид человека разумного, живущего по совести и по справедливости. Хотя одновременно с ним, благодаря потере генов мужской Y-хромосомы, вдруг созрело и поколение «мутиков» – людей, представляющих собой «третий пол». Миллионы лет назад эта хромосома содержала более полутора тысяч генов, в начале двадцать первого века их осталось всего сорок, а ко времени действия романа – к середине двадцать первого века – меньше двадцати! Поэтому по замыслу писателя человечеству грозило исчезновение мужчины как вида, отчего уже сейчас компетентным органам стоило подумать о будущих поколениях, стремительно обретающих новые формы взаимодействия.

Качественный скачок – в ту или иную сторону, потеря мужских признаков, смена приоритетов сексуальных отношений, потеря любви как **основы** жизни – всё это должно было заинтересовать не только простых читателей, жаждущих развлечений, но и тех, кто готов был бороться за человеческое в человеке.

И тем не менее главным достоинством книг Тихомирова было их стремление изменить жизнь к лучшему – то, чего так не хватало многим молодым людям в реальном плане бытия.

Машина у Тихомирова была – корейская «Хёндэ S-line» спортивного класса, однако в Москву на ней он ездить не любил. Не потому, что боялся рисковать на дорогах, а потому, что московские гаишники останавливали его по десятку раз на дню, что действовало на нервы.

На поезде не хотелось терять время. Поэтому он остановил свой выбор на самолёте.

Двадцать девятого августа среднемагистральный «ТУ-204» доставил писателя в развивающийся аэропорт Шереметьево, откуда он за сорок минут добрался до издательства, полный радужных надежд и приятных ожиданий. Одет он был легко, по-летнему, в полуспортивные белые штаны со множеством карманчиков, белую футболку, белые же кроссоступли с дырочками, на плече – небольшая сумка, поэтому писателем Тихомиров не выглядел, скорее – спортсменом. Однако в издательстве его знали хорошо, ждали, и охрана на входе открыла турникет без обычного вопроса: к кому идёте?

Владлен поднялся на четвёртый этаж, нашёл дверь редакции фантастической литературы, вошёл и остановился, разглядывая интерьер первого помещения, где раньше стояли только шкафы с книгами. Теперь здесь стояли столы с компьютерами, за которыми сидели две девушки. Ни одну из них Владлен раньше не видел.

– Здрасьте...

– Здравствуйтесь, – оторвалась от экрана компьютера та, что сидела ближе к двери. – Вы к кому?

Владлен хотел пошутить, но посмотрел в её серо-зелёные лучистые глаза... и утонул в их сиянии, не в силах вымолвить ни слова.

Глаза девушки раскрылись шире, в них проскочила искринка усмешки.

– Тихомиров я, – выдал Владлен. – К завредакцией...

Открылась дверь в соседнюю комнату, из неё выглянула редактор Наташа, с которой Владлен был знаком давно.

– Ой, Владлен Денисович, а мы вас ждём! Кирилл Леонтьевич скоро придёт, посидите пока у нас. Кофе хотите?

– Хочу, – сказал Владлен робко.

Незнакомка с большими серо-зелёными глазами улынулась.

Он улыбнулся в ответ, вдруг почувствовав прилив сил и желания порисоваться. Однако, уже открыв рот, сдержал эмоции и добавил, доставая из сумки коробку конфет:

– А давайте попьем кофейку все вместе? Начальства всё равно нет, никто и коситься не станет.

– Оно и так не косится, – махнула рукой Наташа, сделала приглашающий жест: – Девчонки, зовите мальчишек и пошли пить кофе с мастером. Кстати, – она лукаво прищурилась, кивнула на зеленоглазую, – у нас и своя Маргарита имеется. Познакомьтесь, Владлен Денисович, это Маргарита, или Марго, как мы её называем. А это Люся.

Владлен поклонился:

– Тихомиров, воронежский литератор, хотя по профессии астрофизик.

– А ещё он хорошо рисует и играет в теннис, – заметила Наташа, суетясь вокруг кофейного автомата.

– Я тоже играю в теннис, – сказала Люся. – Хожу в Клуб «Валери» на Живописной. А вы давно играете?

– Лет пятнадцать, – сказал Владлен, то и дело поглядывая на Марго; лишь много позже, анализируя встречу, он оценил и другие достоинства Маргариты и понял, что она необыкновенно мила и женственна, но в данный момент главную роль играли её глаза.

Открылась еще одна дверь в редакторскую комнату, и появились мужчины – Дима и Вася, с которыми Владлен также был знаком давно. Оба хорошо знали фантастику, ценили юмор и уважительно относились к классикам жанра.

Речь зашла о теннисе.

Оказалось, все в редакции любят этот вид спорта и регулярно смотрят соревнования по телевизору. Люся, игравшая, по её словам, «с пелёнок», свободно оперировала терминами «смэш» и «хавкорт», Владлен смешно интерпретировал их значение в «смерш» и «короткий хлев», и общее кофе и чаепитие получилось весёлым и дружеским.

Подожёл заведующий редакцией Кирилл Леонтьевич Шакурин, молодой, энергичный, прекрасно разбирающийся в литературе и вообще весьма эрудированный (например, его знаниям в области алкогольных напитков позавидовали бы иные сомелье), и беседа продолжалась ещё какое-то время, пока Кирилл Леонтьевич не показал подчинённым, – движения бровью было почти нечитаемо, но редакторский отдел хорошо знал мимику своего шефа, – что пора приступать к работе. Через минуту все занимались своими делами.

Владлен с тайным вздохом проводил глазами зеленоглазую Марго, покинувшую редакцию, и зашёл к заведующему в кабинет. Отдал дискету с текстом романа. Спросил, кивая на дверь:

– Давно у вас эти... перестановки?

– Два месяца назад увеличил штат, – ответил Шакурин, то и дело отвечая разным абонентам по мобильнику. – Станный всплеск покупательской активности на фоне общего падения интереса к чтению книг. Уже понятно, что книга потихоньку уходит, сдавая позиции компьютерам и мобильным телефонам, да и в продажу поступает все больше гибких смартиков.

– Я бы не купил, – сказал Владлен осуждающе. – Читать с ладони труднее, да и кайф не тот.

– Согласен, но молодёжь думает иначе. Тем не менее у нас пока идиллия, приходится работать с большей нагрузкой. Подумываем о расширении редакции, будем издавать электронные книги на разного рода физических носителях.

– DVD?

– Не только, на любых носителях, имеющих уже разработанные программы, в том числе на смартиках. Для этого, кстати, и взяли нового сотрудника. Вы её видели – Маргариту.

– Симпатичная девочка, – небрежно бросил Владлен.

Шакурин улыбнулся:

– Девочкой назвать её трудно, ей двадцать шесть, плюс две трёхлетние дочки – у неё двойня.

– Что же муж заставляет работать при таком положении?

– Она вдова. Муж погиб в автокатастрофе, он был гонщиком. Сейчас Маргарита одна, живёт в Бутове с бабушкой.

Владлен невольно покачал головой:

– А с виду не скажешь, что у неё двое детей...

– Она славная, исполнительная, хороший специалист. В общем – подарок судьбы, как говорится, вот только счастье своё не нашла. Хотя, с другой стороны, дети – тоже счастье?

– В наши времена трудно растить их одной, несмотря на пособия и соцпомощь. Если никто больше не помогает.

– Такова жизнь, – философски заметил Шакурин. – Забирает то, что совершенно необходимо, подсовывает то, что совершенно не нужно.

– Жизнь полна страданий, – кивнул озадаченный Владлен, размышляя над словами собеседника. – Но прекращение страданий возможно, и есть путь, выводящий человека из этого состояния.

– Вам видней, вы об этом пишете, – улыбнулся Кирилл Леонтьевич. – Кстати, мне звонили странные люди, требовали, чтобы издательство больше не печатало ваши книги.

– Как? – удивился Тихомиров.

– В самом прямом смысле. Грозили, что, если мы опубликуем новую книгу, нами займётся Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями.

– Круто! На вас накоплен компромат?

– Компромат можно слепить практически на каждую коммерческую структуру. Хотя надеюсь, что мы ничего противозаконного не делаем.

– И что же вы решили?

Шакурин снова улыбнулся:

– Будем печатать. Вот договор, читайте.

Владлен бегло просмотрел текст договора, стандартного по своей применимости на территории России, подписал.

– Аванс получите в бухгалтерии, – сказал Кирилл Леонтьевич. – Но с октября этого года мы просим вас рассмотреть предложение по безналичному расчёту и налоговому обслуживанию. У нас создаётся новая структура, облегчающая жизнь писателей, особенно тех, кто сотрудничает с издательством эксклюзивно. Вам даже не придётся самому ежегодно составлять налоговые декларации.

– Прекрасно! – пожал плечами Владлен. – Всегда готов. Скажите, Кирилл, а удобно ли будет, если я...

Он хотел сказать: «Удобно ли будет, если я приглашу Маргариту в ресторан?» – но сдержался.

– Что удобно? – спросил Шакурин, блеснув глазами. – Взять над Маргаритой шефство?

Владлен смутился.

– Я хотел просто...

Заведующий редакцией с улыбкой махнул рукой:

– Думаю, вы не нуждаетесь в рекомендациях издательства. Скажу только как мужчине: Марго – изумительная девушка! Мне она тоже нравится... – Он сделал строгий вид. – Как редактор.

Тихомиров засмеялся, ощущая облегчение.

– Я вас понял. И прошу прощения.

– Ну что вы, это же здорово, когда сотрудники издательства нравятся писателям, да ещё таким известным. Заходите к нам чаще.

Владлен пожал руку Шакуруину, попрощался с редакторами, по-прежнему не видя Маргариту, и направился в бухгалтерию, гадая, где девушка может быть.

Разгадка пришла сама собой: зеленоглазая Марго встретила ему на лестнице, ведущей на пятый этаж здания, где находилась бухгалтерия издательства.

– Уже уходите? – остановилась девушка.

Сердце ухнуло вниз, слова застряли в горле, потребовалось значительное усилие, чтобы сохранить внешний уверенный вид.

– Ещё остались кое-какие дела. Зато потом я свободен как птица, в отличие от вас. Кстати, – вдруг решил Владлен, – я не слишком вас шокирую, если приглашу в ресторан на ужин?

– Нет, не слишком, – улыбнулась Маргарита. – А я не слишком вас огорчу, если откажусь?

– У вас вечером дела? – сокрушённо кивнул он.

– Дети, – ответно покачала она головой. – У меня две девочки, Аня и Саша.

– Плюс бабушка.

– Откуда вы знаете?

– Из милиции сообщили.

– Правда?!

Владлен засмеялся.

Маргарита сконфузилась.

– Я сморозила глупость.

– Существует справедливый баланс: женщины чаще говорят глупости, мужчины чаще делают. Я просто пытался пошутить. И всё же я бы очень хотел встретиться с вами. Неужели бабушка не посидит с девочками?

– Вы действительно этого хотите?

– Ну конечно, честное слово! Я уже давно ищу смысл жизни и никак не могу найти. Вы мне поможете.

Маргарита улыбнулась:

– Моя приятельница тоже так иногда говорит: ищу смысл жизни, – и добавляет: найду – перепрячу, без него жить легче.

Владлен снова засмеялся, ощущая пьянящую окрылённость.

– Так вы согласны?

Маргарита неопределённо повела плечиком, поглядывая то на папку в руке, то на дверь, ведущую к выходу на этаж, потом кивнула:

– Хорошо, давайте сходим.

– Отлично! – обрадовался Тихомиров. – Я подъеду к издательству к шести, вас устроит?

– Нет, не надо к издательству, лучше встретимся где-нибудь в центре, на Пушкинской площади, в семь часов.

– Хорошо, как скажете. Куда пойдём?

– Мне всё равно.

– И мне всё равно, я Москву не очень хорошо знаю.

– Тогда пойдём в «Пушкин», это совсем рядом с памятником Пушкину. Говорят, там очень вкусно готовят.

– Ну и прекрасно! Посвятим вечер чревоугодию. В семь буду вас ждать у памятника.

Маргарита кивнула и быстро побежала по лестнице вниз, только каблучки застучали.

Владлен остался на лестнице, испытывая эйфорическое чувство победы над пространством и над собой, что было важнее. Он всегда знакомился с девушками трудно, несмотря на спортивно-решительную внешность, особенно с теми, кто ему нравился, но тут вдруг переступил некую черту и почувствовал себя творцом того самого смысла жизни, о котором только что шутил.

В половине седьмого он уже ждал Маргариту у памятника Пушкину с красной розой в руке. Гуляющих в этот жаркий августовский вечер было мало, и на него посматривали с укоризной, как ему казалось, будто именно он был виноват в опустившейся на город жаре. Однако Владлен стойко терпел зной и был невозмутим, как змей, ожидавший жертву.

Это сравнение пришло на ум неожиданно, и он обдумал его со всей серьёзностью, пока не отверг начисто: Маргарита на жертву не походила, несмотря на своё зависимое положение, а он сам на змея не тянул.

Девушка появилась из подземного перехода минута в минуту, одетая в лёгкий летний сарафан, с белой сумочкой через плечо.

– Я не опоздала?

– Нет, – заулыбался Владлен, протягивая розу и откровенно любуясь её фигурой. – Я жду вас всего три часа.

Маргарита засмеялась. Она вообще была очень непосредственна и не боялась улыбаться и смеяться.

– В таком случае я вас прощаю.

– За что? – озадачился он.

– Если бы вы ждали меньше, я бы не пришла. – Маргарита понюхала розу. – Красивая... идёте?

– Может, сначала погуляем по бульвару?

– Давайте погуляем.

Они спустились в переход, вышли на Тверской бульвар, медленно двинулись в противоположную от кинотеатра «Россия» сторону.

Мимо с криками пробежали какие-то смуглолицые парни, толкая прохожих. И тотчас же с двух сторон к ним кинулись люди в штатском, появилась милиция. Смуглолицых настигли, умело повалили на асфальт, быстро заковали в наручники. Подъехали два джипа, – всё это на глазах не особенно удивившихся гуляющих, – парней затолкали в машины, и те уехали. Стало тихо.

– Ничего себе! – опомнилась оторопевшая Маргарита.

– Классная работа! – кивнул Владлен со знанием дела.

– Вы о чём?

– О задержании. Наверно, мы стали свидетелями какой-то операции по захвату бандитов. Причём это явно приезжие, да ещё исламисты.

– У нас много исламистов, – поёжилась девушка. – Каждый день кого-то грабят, бьют, дерутся, убивают. Прямо джихад какой-то!

– Джихад – это священная война с неверными, – сказал Владлен. – И объявляют его как раз радикальные исламисты, фанатики, далёкие от истинных религиозных установок. Кстати, с одной стороны, это уродливое явление, а с другой – закономерная реакция древней культуры на агрессивную антикультуру Запада.

– Но ведь исламисты уничтожают всех: и своих, и чужих, добрых и злых, плохих и хороших!

– А ты попробуй отделить плохих от хороших, – перешёл на «ты» Владлен. – Сможешь? Маргарита подумала.

– Не знаю...

– Вот видишь? Я тоже иногда не могу сразу определить, плохой человек встретился или хороший. Многие говорят так умно и красиво, что веришь каждому их слову. А на проверку выходит – это просто пустозвон. Встретился мне недавно один такой – изумительные речи вёл, всю подноготную властных структур поведал, рассказал, как надо управлять государством, а потом просто кинул в одном деле...

– Каком?

– Это не интересно, – пробормотал слегка расстроившийся Тихомиров. – Всё уже в прошлом. Но говорить он умеет и в самом деле сверхубедительно.

– Недаром существует пословица: человек не то, что он говорит, а то, что делает.

– Ты права.

– Я тоже сталкивалась с такими людьми. Но как же быть? Злых и бессердечных людей больше.

– Есть только один способ – натравить зло на зло! И воспитывать детей в правильном направлении. Слыхала что-нибудь о Школах Шерстнева?

– Нет.

– Это удивительные Школы, воспитывающие детей согласно древним традициям и открывающие их таланты.

– Вы учились в такой Школе?

– Зови меня на «ты». Нет, я не учился в Школе Шерстнева, но знаю о процессе от людей, которые близки к воспитанию нового поколения. Дети в этих Школах проходят весь курс обычной средней школы за четыре-пять лет. Представляешь? Кстати, твои девочки тоже могли бы там учиться.

– Вряд ли у них есть способности...

– Способности есть у каждого ребёнка, их только надо уметь выявить. Что и делают учителя в Школах Шерстнева.

– Разве они есть в Москве?

– Не знаю, – смутился Владлен. – Но узнаю. Посидим на скамеечке? Или пойдём ужинать?

– Мне расхотелось гулять. И очень есть охота!

– Чего же мы ждём?

Они перешли бульвар и двинулись к ресторану «Пушкин», рядом с которым красовалось новое здание из стекла и стали – культурный центр «Старый Свет». Тихомиров хотел предложить спутнице зайти в центр, но подумал, что она, наверно, уже посещала «Старый Свет», и передумал.

Народу в ресторане было много, но их всё же усадили у окна, и гости принялись изучать меню в толстых, кожаных, с застёжками, бюварах, с любопытством читая рецепты на старорусском языке.

Выбрали «стерлядь замороженную» и пти пате – маленькие пирожки с потрошками и грибами. Плюс «салат мушкетёрский».

– Что будешь пить? – спросил Владлен.

– Честно говоря, я редко пью вино, – смутилась Маргарита, – и вовсе не разбираюсь в марках вин.

– Давай спросим у официанта. – Владлен подозвал вежливого молодого человека, обслуживающего их столик. – Посоветуйте, что у вас подаётся к рыбе?

– Бутылочку или в розлив?

Владлен посмотрел на девушку:

– Одолеем бутылку?

– Я только хочу попробовать...

– Тогда по бокалу.

– Есть «Фюр дю Пойнт», очень нежное, – сказал официант.

– Хорошо, несите.

Официант удалился.

– Можно было бы взять шампанское, – сказал Владлен, – но по опыту моего друга Жени Шилова шампанское пьют кокетки и хохотушки и пьянеют практически мгновенно.

– Да? – удивилась Маргарита. – Я не знала.

- Водку пьют волевые, сильные женщины с твёрдым характером, знающие цель в жизни.
- А коньяк?
- Коньяк предпочитают женщины среднего возраста, нуждающиеся в тепле, заботе и ласке. Пьянеют, кстати, тоже быстро.
- Вы... ты и об остальных алкогольных напитках знаешь, кто что пьёт?
- Не я, я практически не пью, но для меня, как для писателя, важно знать такие нюансы. К примеру, виски пьют уверенные в себе женщины, без комплексов, а выпив, могут действовать непредсказуемо. Текила – для экстравагантных взбалмошных барышень. Джин-тоник вообще потребляют девушки, мало в чём разбирающиеся.
- Как я.
- Ты скорее исключение. Что ты обычно пьёшь по праздникам?
- Да почти ничего, – пожала плечами Маргарита. – Шампанское пару глотков, вино... сухое.
- Красное или белое?
- Красное.
- Красное вино пьют эмоциональные страстные натуры. Они неподражаемы в... – Владлен осекся, сообразив, что может быть понят превратно.
- В чём?
- В опьянении.
- Маргарита улыбнулась:
- Я ещё ни разу не была пьяной.
- Этот порок мы преодолеем. Чего ещё ты не умеешь?
- Готовить. Поэтому я была плохой женой.
- Все плохие жёны начинали как хорошие невесты. Готовить можно научиться, было бы желание. К примеру, я тоже не умел готовить, да нужда заставила овладеть этим искусством. Теперь я умею почти всё. – Он подумал. – Хотя мама готовит лучше.
- Официант принёс вино, показал бутылку, плеснул в бокал.
- Владлен покрутил бокал, пригубил вино, кивнул:
- Вы правы, оно нежное, наливайте.
- Официант налил два бокала, удалился.
- За что выпьем? – подняла бокал Маргарита.
- За приятное знакомство, – поднял свой Владлен. – Если честно, я даже не надеялся, что ты согласишься встретиться. А теперь у меня такое чувство, будто мы знакомы с детства.
- Они чокнулись, отпили по глотку.
- Вкусное, – похвалила Маргарита, – и совсем не кислое. Что ты на меня так смотришь?
- Любуюсь, – откровенно признался Владлен. – Ты красивая. Хотя мой друг любит повторять, что счастье – иметь красивую жену и горе – иметь такое счастье.
- Маргарита засмеялась.
- Твой друг оригинал. Ему повезло?
- В каком смысле?
- Жена у него красивая или уродка?
- Он был женат трижды, так что его поиск не закончен.
- Принесли пти пате.
- На вид очень аппетитно, – сказала Маргарита. – Но если я буду есть пирожки, то располнею.
- Боишься располнеть – выпей пятьдесят граммов коньяку.
- И что, помогает?
- Коньяк притупляет чувство страха.
- Маргарита снова засмеялась, взялась за пирожки.

Пти пате оказались очень вкусными, Владлен даже пожалел, что заказал всего три пирожка. Но потом принесли стерлядь, и думать о другом стало недосуг.

Они с удовольствием поужинали, болтая обо всём на свете, что интересовало обоих, и закончили трапезу зелёным чаем со сладкими «вкусностями», которые соблазнилась отведать Маргарита.

Потом Владлен провожал девушку домой, читал стихи и, когда она ушла, – никаких поцелуев, никаких обещаний будущих встреч, только номер телефона и задумчивое «позвони», – долго смотрел на окно её спальни на седьмом этаже дома в Бутове. Опомнился он, когда вошла луна, в половине двенадцатого.

Пришлось ловить такси и мчаться на вокзал, чтобы не опоздать на поезд в Воронеж. Но и в поезде он долго не мог уснуть, вспоминая встречу с Марго, её смех, мягкие шутки, расставание у подъезда, пока наконец под утро не пришёл сон: сам Пушкин Александр Сергеевич сошёл с пьедестала на Пушкинской площади в Москве, обнял его за плечи и пророкотал:

– Ай да Владлен Денисович, ай да сукин сын, неужто влюбился?..

В квартиру Тихомиров вошёл в одиннадцать часов утра и остановился у двери, озадаченный помехой.

Одежда из шкафа в прихожей лежала на полу!

То же самое обнаружилось в гостиной и в спальне: разгром, разбросанные по всем углам вещи, одежда, книги. На столе в кабинете стоял включённый компьютер. Дискеты с текстами произведений исчезли, на столе валялся расколотый надвое пластмассовый держатель дискет. В воздухе стоял заметный запах чего-то кисло-горького, как сгоревший порох.

Владлен, ошарашенный увиденным, начал было собирать книги, машинально тронул клавишу на клавиатуре, но экран монитора остался пустым, блекло-водянистым, как дно ручья. Ни одна программа, в том числе Windows, не включалась. Через минуту стало ясно, что записи в компьютере стёрты. Все! Не сохранилось ничего, в том числе – хранящиеся в памяти файлы романов.

– Ни хрена себе! – пробормотал Владлен, опускаясь на стул. – Кто же это здесь похозяйничал?!

Зазвонил телефон.

Владлен вздрогнул, потянулся к трубке.

– Тихомиров? – зазвучал в трубке густой, астматичный мужской голос.

– Слушаю вас.

– Забери свой роман из издательства!

– Что?! Вы о чём?! Кто вы?!

– Забери роман, Достоевский! Иначе будет плохо и тебе, и твоим друзьям в издательстве!

Понял? Вспомни совет.

– К-какой совет?

– Твоего дружка-однокашника: думай много, говори мало и ничего не пиши.

– Что за идиотизм! – возмутился Владлен. – Кто это шутит?!

– Шутки кончились, писака! Мы тебя предупредили!

В трубке зазвучали гудки отбоя.

– Мать вашу! – выдохнул Владлен, сжимая в руке телефон и видя перед собой лицо Маргариты.

Глава 6

КАТАРСИС

Ветлуга

Давно Крутов не чувствовал такого подъёма сил.

За день он успел сделать множество дел, решил кучу проблем, пообщался с Ираклием, приехавшим на сход Славянских Общин, и даже позанимался спортом: он больше полутора часов играл со старшеклассниками Школы Шерстнева в волейбол.

Приехал домой, довольный миром и собой. Поделится с женой мыслями о предстоящей поездке в Москву, покосился на её животик под полупрозрачным кимоно. Она перехватила его взгляд, покачала пальцем:

– Не сглазь!

– Да я не глазливый, – улыбнулся он, обнимая Елизавету, сделал строгое лицо. – Не повторить ли нам процесс? Чтобы не сомневаться в успехе посева?

Она засмеялась, выскользнула из объятий мужа.

– Вечером, муженёк, вечером, сейчас к тебе придут гости, не забыл?

Он спохватился, кинул взгляд на часы:

– Накрывай на стол, я сейчас.

Но переодеться Крутов не успел. В его кабинете уже сидели гости, умеющие пользоваться *легкоступом*. Это были волхвы, пестователи Общины «Родолюбие» Онуфрий и Дементий. Онуфрий, высокий, худой, седоголовый, прибыл из Фошни Жуковского района Брянской губернии, Дементий – кряжистый, темнолицый, с лысиной на полчерепа, полная противоположность Онуфрия, – из Воронежа. Оба встали, когда вошёл Крутов, поклонились, демонстрируя почтение.

– Извините, отцы, – сказал Крутов, пожимая руки обоим, – увлёкся спортом, только явился вот. Ужинать будем?

– Недосуг, – качнул головой Онуфрий. – Время, которое у нас есть, – это возможности, которых у нас нет.

– Философ доморощенный, – усмехнулся Дементий. – Сразу видно, что ты бывший учитель семинарии.

– Я просто праведник.

– Праведную жизнь обычно начинают вести тогда, когда на грешную уже не остаётся ни сил, ни желаний.

– Человек, обладающий разумом, всегда будет вести себя соответственно внутренним законам совести.

– Разум – хитрая сволочь, – согласился Дементий, – всё время велит делать не то, что хочется.

Крутов рассмеялся.

– Вы напомнили мне разговор двух пенсионеров. Один со вздохом говорит: «Старость – не радость». Второй ему ворчливо отвечает: «И молодость – гадость!» Если дорожите временем – начинайте.

– Слушаюсь, Владыко, – смиренно сказал Онуфрий. – Ведомо ли тебе, что наши аналитики сделали общий социализм развития России?

– Ведомо.

– Тогда тебе должен быть понятен сценарий развития событий, предлагаемый агентами влияния Синклита.

– В России сейчас возможны два варианта развития событий, – усмехнулся Егор Лукич. – Наихудший и маловероятный. Диктатуры не предвидится, что не даёт повода для оптимизма, а демократия выродилась в паразитическую форму существования – похеризм. Однако нам есть над чем работать, об этом и поговорим.

– Какой-то остроумец заметил, – проворчал Дементий, – что диктатура плоха тем, что ограничивает возможности ума, демократия же нехороша тем, что в ней не ограничены права глупости.

– Как сказал другой остроумец: с глупостью даже боги бороться бессильны. Но к делу, други.

– Никифор Хмель завершает свою миссию в Брянской губернии, – сказал Онуфрий. – Но это паллиатив. На какое-то время чёрная паутина там увянет одновременно с ликвидацией «спортивного» Клуба и местных агентов Синклита, но вряд ли надолго. Нам же надо уберечь Серебряного мальчика и не привлечь внимание к Школе Шерстнева.

– Мы победим! – прогудел Дементий.

Крутов покачал головой:

– Не только в России или на Земле, но и вообще в нашей Вселенной победа светлых сил возможна, но даётся она с превеликим трудом и изрядной долей горя, боли и печали. Все мы должны смириться с этим законом.

– Может быть, и должны, – тем же ворчливым тоном сказал Дементий, – однако согласно учению о Родочеловеке мы более должны жить по другому закону, отрицающему власть Тьмы. В России же нынче всё наоборот, несмотря на внешнее благополучие и рост экономики. Знаешь ли ты, Владыко, что за время реформ с начала девяностых годов прошлого века и по нынешние времена с лица земли нашей исчезли двадцать пять тысяч деревень, сёл и посёлков?

– Знаю, пестователь. Это результат принудительного разгрома крупных коллективных хозяйств, введения в оборот земли через куплю-продажу и резкого сокращения государственной поддержки.

– Государство разорило нашего производителя сельскохозяйственной продукции, что усугубило ситуацию, – добавил Онуфрий. – Мы сегодня ввозим из-за границы почти пятьдесят процентов продовольствия, а из сельхозоборота уже выведено более тридцати миллионов гектаров угодий. – Он посмотрел на Дементия: – К чему ты об этом речь завёл?

– К тому, что Русь не встанет на ноги без поддержки крестьян. Многие ли понимают это наверху? Не нацелить ли один из наших векторов на решение этой проблемы?

– Мы уже думали над бедственным положением землепашцев, – сказал Крутов. – Коллапса сельского хозяйства не будет, как не будет у нас и развитого производства генетически изменённых продуктов. Катарсис возрождается в полной мере, вместе с аналитической службой и службой предупреждения преступлений. Вы это знаете. Как только Никифор Хмель закончит свою миссию, пошлите его ко мне, он мне нужен.

– Хорошо, Владыко, – кивнул Онуфрий.

– Что у вас? – посмотрел Егор Лукич на Дементия.

– То же, что и везде, – буркнул волхв, хмуря брови. – Эта зараза – стремление к потреблению без желания что-либо производить – перекинулась с Запада и к нам.

– Благодаря телевидению и Интернету, – вставил Онуфрий, добавил с кривой усмешкой: – Я теперь в хакерах вижу чуть ли не спасителей человечества, мешающих молодёжи уходить в виртуальные миры.

– Молодёжь теряет способность глубоко мыслить и творить, не желает заниматься самостоятельной деловой активностью... – Дементий замолчал, горестно махнул рукой, отвернулся. – А наша пропаганда здорового образа жизни не находит достаточного количества сторонников.

– Одна надежда – Школы Шерстнева, – вздохнул Онуфрий. – Но и у них начали возникать проблемы. Им не дают возможности роста. Синклит понимает, что ученики Школ образуют мощный эгрегор светлых сил, и увеличивает давление на систему образования. Всё, что мы смогли сделать, – это добиться рассмотрения в правительстве отмены ЕГЭ.

– Что ж, и это победа, пусть и малая. А Школы мы будем защищать всеми имеющимися у нас средствами. По Воронежской губернии есть конкретика?

– Нам удалось снять главу Елань-Коленовского района, – сказал Дементий. – Он открыто начал преследовать Славянскую Общину и обвинять наших потворников в антигосударственной деятельности. В то же время при его поддержке в районе строится храм БЕСа. Но теперь на его месте работает нормальный человек. Думаю, и храм не будет построен.

– Установили, кто за ним стоит?

– Конунг Замятин.

Крутов помолчал, вспоминая давнюю встречу с начальником службы безопасности олигарха Сосновского, перешедшего потом в ФАС. В те времена Иван Шенгерович Замятин в конунгах не числился.

– Вырос наш полковник, конунгом стал. Что ж, я сориентирую ЧК. Что ещё?

– В Нововоронеже живёт и работает писатель Владлен Тихомиров, известный неожиданной фантазией и в особенности своим живым участием в деле Союза Славянских Общин. Он считается фантастом, на самом же деле философия его произведений близка нашей. Романами Тихомирова зачитываются миллионы людей. По сути он – *проводник* Родноверия. Естественно, Синклит не мог не заинтересоваться его работой и, похоже, начал на него атаку.

– Откуда вам это стало известно?

– Один из наших потворников, Дмитрий Хвостов, лично знаком с Тихомировым. Недавно писатель сдал в издательство МОЭКС новый роман, и тут же в его квартиру проникли некие злодеи и уничтожили все записи в компьютере. Хорошо, что у него многие тексты записаны на флэшку, как принято говорить. Однако, кроме нападения на квартиру, Тихомирову «посоветовали» по телефону, чтобы он больше не писал в продолжение темы о Древней Руси. Мало того, кто-то звонил и в издательство, предлагал купить роман Тихомирова, а потом пригрозил, что у издательства будут неприятности, если оно опубликует роман.

Крутов покачал головой:

– Издательство испугалось?

– Судя по всему, не очень.

– Литература – очень важная часть жизни людей, она организует моральное пространство не хуже, чем повелительный императив. Нам следует поддерживать все светлые начинания в этой области управления людьми. Что за роман сдал Тихомиров?

– Об истинной истории Рода, хотя и с вольными допущениями. Он должен замкнуть цикл «Очищение». По мысли писателя, роман способствует прорыву Светлых Сил в реальность.

– За парнем начнётся охота.

– Я дал задание нашему региональному отделению службы взять Тихомирова под свою опеку. Но ты же знаешь, Владыко, Витязей не хватает, они и так работают денно и ночью, на пределе.

– Хорошо, я обговорю ситуацию с Ираклием. Однако надо мыслить масштабнее и сражаться не с последствиями, а с причинами явлений. Пора выходить на чёрных слуг Синклита и уничтожать!

– Легко сказать – уничтожать, – проворчал Дементий. – Их сначала найти надобно.

– Разве наша разведка ест хлеб даром?

– Не даром, но вычислить конунга, скрывающегося за личиной добропорядочного слуги народа, очень трудно.

– Могу помочь.

Дементий недоверчиво посмотрел на Крутова:

– Владыко, твоё ли это дело?

– Недавно я проанализировал данные ГАИ по Москве, и знаете, что обнаружилось? За последние три года в столице явно обозначились места **удобного** маневра автотранспорта, где никогда не бывает пробок. Маневр же всегда возможен и приводит заинтересованное лицо к контролируемым государственным трассам. Всего таких зон в столице шесть. Из них три принадлежат президенту, кремлевской администрации, премьеру и руководителю Думы. Остальные три никак с ними не связаны. Почему бы не проверить, кто поселился в центрах этих зон?

Онуфрий и Дементий переглянулись.

– Ты думаешь, – вопросительно поднял бровь Онуфрий, – эти зоны создали конунги?

– Конунги или их эмиссары.

– Проверим, – кивнул Дементий. – И не только в Москве, но и по всей России. Система социальной стабилизации реальности, пестуемая конунгами, не сработала, но храмы Братства Единой Свободы продолжают строиться. Синклит не оставляет надежды добиться полного программирования страны. В Воронеже тоже появился один такой храм, на месте бывшей Православной церкви Михаила и Амвросия. Новый БЕС уже работает, активно привлекает молодёжь. Надо обратить на него самое пристальное внимание.

– Помощь ЧК нужна?

– Нам помогает подвижник Селифан, однако вполне возможно, что понадобится хирургическое вмешательство.

– У вас там есть школы *живы*.

– По сути, это филиал Школы Шерстнева, который вполне способен стать эгрегорным «резонатором». Но мы ещё не опирались на него как на источник светлого воздействия. К тому же мы надеялись, что Катарсис – как система Сопротивления «чёрной власти» – будет быстрее реагировать на будущие изменения иерархии земной пси-структуры.

– Принимаю упрёк, – поморщился Крутов. – Это моя вина, что Замысел по очищению нашей земли от надвигающейся тучи сатанизма до сих пор не разработан. Я работаю с ним. «Новая революционная инициатива», испытанная в Югославии, Украине, Грузии, Азербайджане, странах Балтии, работает по одному шаблону, созданному Синклитом, но её применение нелинейно и приводит к ветвлению альтернативных путей развития слабых стран. Мы этого не учитывали.

Онуфрий и Дементий снова обменялись взглядами, согласно кивнули.

– Теперь о мальчике. Не плохо ли мы сделали, что перевели его в Брянскую губернию? Непокойно там.

Онуфрий огладил седую бородку, помедлил.

– Непокойно нынче везде. Нужна триада для его защиты, постоянная и надёжная. Боюсь, Витязь Глеб один с задачей не справится. Его мы не трогаем, считая, что он будет контролировать деятельность Школы и помогать Шерстневу. Сергей – дополнительная нагрузка.

– Сергей – наша надежда. Думайте, предлагайте варианты. – Крутов развёл руками. – Мы не должны ошибиться. У вас всё, отцы?

– Слава богам! – встал Дементий.

За ним поднялся и Онуфрий.

– Хочу попрощаться с хозяйкой и извиниться за отказ от трапезы.

– Она не обидится. Но попрощаться надо.

Гости вышли из кабинета, встретили Елизавету, выглянувшую из кухни. Она всплеснула руками:

– Уже уходите? А я ужин приготовила, кваску холодненького.

– Квасу отведаем, – согласился Дементий, – а ужинать некогда, уж прости, хозяйка.

Волхвы напились и вышли.

Егор Лукич и Елизавета посмотрели друг на друга.

– Они чем-то расстроены, – тихо сказала женщина. – Что-то случилось?

– Пестователи чуют недобрые времена, – рассеянно проговорил Крутов. – Люди катастрофически теряют веру в доброе, светлое и вечное. А отними у человека веру, что с ним станется?

– Он не жилец на свете.

– Гораздо хуже, если он станет проводником чёрных сил. Вот тогда миру действительно конец. Но ведь мы ещё поборемся?

Елизавета прижалась к груди мужа...

Глава 7

ЕДУ, ЕДУ, НЕ СВИЩУ...

Брянская губерния

Больше всего Никифора поражала статистика. По роду деятельности ему часто приходилось знакомиться со статистическими выкладками по той или иной проблеме, и он всегда удивлялся, почему люди что-то любят, ненавидят или чего-то боятся. Потом, со временем, удивляться он перестал, только качал головой, изучая полученные данные. По его мнению, существующая поговорка: есть ложь, есть большая ложь и есть статистика, – почти полностью укладывалась в русло действительности. Лишь одна цифра статистики отвечала тем впечатлениям, которые сложились у Хмеля лично: семьдесят процентов населения России испытывали страх перед людьми в милицейской форме. А последние реформы в Министерстве внутренних дел только усугубляли ситуацию. Не помогала и серьёзно работающая в этой сфере служба внутренних расследований МВД, выводящая на чистую воду коррупционеров в милицейских погонах. Однако в милицию по-прежнему шли молодые люди, не желающие думать, но желающие *властвовать*, и система не менялась. Руководство МВД пыталось что-то делать, бодро докладывало наверх об успешных операциях против бандитов и террористов, но переломить ситуацию в стране было не в состоянии. Потому что это было абсолютно невыгодно Синклиту конунгов, постепенно перехватывающему власть в государстве.

Случай, подтвердивший выкладки статистического отчёта о негативном отношении российского общества к милиции, произошёл прямо на глазах Никифора, в Брянске, где он заканчивал расследование по заданию Катарсиса. По статистике, милиционеры избивали пострадавших: при задержании – в шестидесяти процентах случаев, в каждом шестом случае – при выбивании «чистосердечных признаний», в каждом третьем – беспричинно, ради куража и демонстрации власти. Случай у ресторана «Дебрянск» относился именно к последней категории происшествий.

Вместе с Никифором в ресторане обедала нешумная компания учителей – двое мужчин в возрасте и две женщины, одна постарше, другая помоложе. Они что-то степенно обсуждали – совсем свежую реформу образования, насколько понял Хмель. Закончили обедать и вышли из ресторана они вместе с Никифором. Но тут к ним подошли два милиционера, старшина и сержант, и грубо потребовали документы.

Учительница постарше, – с виду ей было не меньше шестидесяти лет, – седая и полная, сделала им замечание. А дальше случилось нечто дикое.

Стражи порядка взбеленились, схватили женщину за руки, поволокли к белой «Ладе»-«шестёрке» с мигалками, ударили мужчину, спутника учительницы, пытавшегося остановить озверевших милиционеров. Второй мужчина тоже кинулся на выручку своим коллегам, но получил удар дубинкой в лоб и упал на тротуар, обливаясь кровью.

И терпение Никифора кончилось.

В иных обстоятельствах он твёрдо придерживался правил Житейских Вед, установленных волхвами: давайте людям больше, чем они ожидают, в случаях конфликтов боритесь честно, и в особенности – не вмешивайтесь в чужие дела. Но тут налицо было вопиющее нарушение служебной этики, и Никифор не сдержался.

Дубинка внезапно вылетела из руки сержанта, и как живая, завилась вокруг него спиралью, ткнулась ему в ухо.

Милиционер ойкнул, выпустил руку женщины, схватился за ухо.

Дубинка крутнулась и перетянула его напарника по мясистому загривку.

Старшина, утробно хрюкнув, сунулся носом в открытый салон «шестёрки».

Женщина вырвала руку, отбежала к своим коллегам. По лицу её катились слёзы, в глазах сквозь недоумение и ужас протаяло удивление.

Дубинка снова взвилась в воздух и опустилась на предплечье сержанта, лапнувшего кобуру штатного «макарова». С воплем милиционер присел на корточки, держась за онемевшую руку. Дубинка упала рядом.

Никифор вышел из *темпа*, – в этом состоянии его практически никто не мог увидеть, – подошёл к учителям, сбившимся вокруг вытирающего платком разбитый нос мужчины.

– Успокойтесь, идите домой.

– Но они нас ни за что... – опомнилась женщина помоложе.

– Они будут наказаны, идите.

Тон Хмеля подействовал.

Учителя побрели прочь, оглядываясь. Они плохо понимали, что произошло, и лишь положение обидчиков подсказывало, что кто-то серьёзно остудил намерения стражей порядка добиться «торжества закона».

Задержавшиеся на минуту случайные свидетели происшествия поспешили по своим делам.

Никифор оценивающе глянул на пришедших в себя милиционеров, кивнул сам себе: они явно не поняли, что случилось, и были не в состоянии продолжать начатое «дело».

– Кто был ничем, тот станет всем, – пробормотал Никифор, вспоминая слова пестователя Дементия, что это – лозунг контрселекции. В принципе закон коммунистической идеологии работал иначе: кто был никем, тот никем и оставался до конца своей жизни, как правило, короткой.

В этот же вечер Никифор стал свидетелем ещё одной криминальной драмы, когда во втором часу ночи, возвращаясь в гостиницу на улице Красноармейская, увидел двоих молодых людей, поджигающих красавец «Ситроен» на стоянке напротив ресторана.

Из той же статистики социальных неблагополучий Никифор знал, что в России «антисоциальные элементы» постоянно жгут машины, до двух-трёх тысяч ежегодно в больших городах и почти столько же в сельской местности. До «революции пожаров», как во Франции и Италии несколько лет назад, было ещё далеко, но «мода» эта не проходила, выражая некие социальные протесты пришельцев из других стран, и машины горели каждую ночь.

Однако одно дело – знать, что явление существует, другое – столкнуться с ним воочию, в реальности. Потушить же загоревшуюся автомашину не успевал ни владелец, ни пожарные службы, ни случайные свидетели поджога.

Никифор, наверное, не обратил бы внимания на возню парней у «Ситроена», если бы не разлившийся в прохладе вечера специфический запах бензина. Он оглянулся и мгновенно понял, что происходит.

Зазвенела отброшенная в кусты бутылка.

Вспыхнул огонёк зажигалки.

Никифор вогнал себя в *темп* и за доли секунды преодолел два десятка метров, отделяющие парадный вход в гостиницу от стоянки машин.

Парни всё же успели поджечь фитиль – длинную белую ленточку, ведущую к крышке бензобака, но пламя не смогло разгореться, и Никифору удалось его сбить.

Бросившиеся наутёк поджигатели остановились, не понимая, почему погас фитиль, хотели вернуться, и в этот момент возле них сформировалась из ночного мрака стремительная текучая тень. Раздались два удара, и парни отправились в короткий полёт к соседнему зданию, упали на асфальт и потеряли сознание.

Никифор брезгливо отряхнул кисти рук от «негативной энергетики», зашагал к гостинице, принимаясь к рукам: они пахли бензином.

– Вызовите милицию, – тихо сказал он дежурному охраннику, – там на стоянке драка. Меня вы не видели.

Финала событий он уже не увидел, да это было и неинтересно. Милиция должна была разобраться с поджигателями сама, а охранник на входе в гостиницу должен был забыть свидетеля, сообщившего о «драке».

На следующее утро, тридцать первого августа, Никифор поехал в Жуковку.

В Брянске его дела были закончены. Он выяснил, кто из отцов церкви непосредственно занимался внедрением чёрных программ в жизнь губернии, начиная с культуры и заканчивая социальной сферой, и позвонил в Москву. Теперь судьбой эмиссара Синклита должен был заняться местный отдел оперативного реагирования Катарсиса, имеющий популярное в народе название «Овёс». Данные Хмеля проверят, разработают селективный трафик – цепочку «случайных», с виду никак не связанных событий, финальное из которых приведёт к фатальному концу отца Федюни, координатора конфессиональных связей Патриархата. Этот человек согласился работать на конунгов добровольно, и жизнь его, весьма греховная по всем оценкам, должна была прерваться.

В самой Жуковке Никифору необходимо было нейтрализовать деятельность ещё одного церковного слуги – отца Зиновия, дьякона Велейской церкви Кирилла и Мефодия, связанного с бандитами Клуба спортивного совершенствования в Фошне. Именно через него работал отец Федюня, получающий распоряжения непосредственно от конунгов. Зиновий же организовал и атаку на Школу Шерстнева, к счастью, не получившую развития благодаря действиям Хмеля.

Кроме того, Никифору нужно было предупредить начальника местного отделения УВД подполковника Вильяма Коробко, являвшегося дядей убитого Сёмы Блющева. Этот слуга народа землю рыл, чтобы найти убийц, и посадил в СИЗО уже немало народу, никак не причастного к преступлению.

В Жуковском районе всё ещё шла охота на «террориста» из не ведомой никому ЧК, убившего гендиректора Клуба спортивного совершенствования в Фошне. Поэтому частные автомашины останавливались милицейскими патрулями на всех дорогах района. Остановили и спортивную «Ауди RS-6» Никифора с брянскими номерами (естественно, он заранее сменил московские номера на местные), хотя он вовремя заметил патрульную машину и снизил скорость.

– Ваши документы, – козырнул инспектор ГАИ, с автоматом под мышкой.

– А ваши? – вежливо ответил Хмель.

Лейтенант нахмурился, разглядывая спокойное лицо водителя, нехотя процедил сквозь зубы:

– Лейтенант Муракамов, областное УВД. Ваши документы, гражданин водитель.

Хмель протянул ему малиновую книжечку:

– Полковник в отставке Степанчук. Что тут у вас происходит, лейтенант? Меня уже третий раз останавливают.

Инспектор развернул удостоверение, прочитал фамилию, шевеля губами.

– Водительские права?

– Конечно, как же без них, – достал пластиковую карточку Никифор. – Так что случилось, командир?

– Ловим тут группу... террористов, – снова нехотя, через силу признался лейтенант; сравнил фото на документах, вернул Хмелю. – Будьте осторожны, полковник, не берите подозрительных пассажиров.

– Хорошо, не буду, – сделал озабоченное лицо Никифор.

– К кому едете?

– К родственникам в Жуковку, сестра у меня там, тётки.

– Езжайте. – Инспектор отвернулся, отошёл к другой остановленной машине.

Никифора так и подмывало спросить, не посулило ли начальство миллион долларов за голову «террориста», ликвидировавшего Семёна Блющева, но мысль об этом благополучно скончалась в голове. Не хватало ещё, чтобы у хмурого лейтенанта зародились подозрения о странной осведомлённости «полковника в отставке» о происходящих в районе событиях.

В Жуковке Хмель оставил машину у деда Сидора Мокеевича, родственника Онуфрия, который жил на самой окраине города, напротив небольшого сельца Латыши, и отправился к Тарасову пешком.

Встреча с другом и Витязем, обеспечивающим безопасность Серебряного мальчика, длилась около часа. Они обсудили варианты выполнения задачи, наметили план действий, и Никифор отправился выполнять свою часть плана.

Вечером в Жуковке произошли два события, мало кого заинтересовавшие: население города не следило за работой милиции, не доверяя ей почти всецело, и не участвовало активно в религиозной жизни столицы района.

Сначала неизвестные лица забросали камнями двухэтажное здание УВД, разбив стёкла в пяти окнах на первом и втором этажах. Этими неизвестными оказались двое местных жуковских алкоголиков, впоследствии так и не сумевших объяснить, что заставило их совершить этот «подвиг».

Зато пока охранники здания гонялись за камнеметателями, в здание проник ещё один неизвестный злоумышленник, которого никто не заметил, и нанёс увечье начальнику милиции подполковнику Коробко – сломал ему челюсть. Удар был нанесён так быстро и умело, что подполковник очнулся только через час после нападения. На груди его обнаружилась записка от руки: «Не прикрывай подонков и насильников, иначе последуешь за ними! Это предупреждение последнее».

Найти злоумышленника, пригрозившего всесильному главе Жуковской милиции, так и не удалось. План «Перехват» не сработал.

А чуть позже в дом к молодому батюшке Иннокентию, заправлявшему в местной церкви, у которого остановился на постой гость из Брянска отец Зиновий, заявился бородатый, с рыжими всклокоченными волосами мужик и недолго побеседовал с представителями церкви. После чего батюшка Иннокентий «угорел в бане», как потом рассказывала его жена, и долго не ходил на службу, а гостя отца Зиновия наутро и вовсе увезли в больницу, якобы от «отравления грибами».

Лишь один человек, кроме самих пострадавших, знал истинные причины «угара и отравления» церковных деятелей – Никифор Хмель, он же «рыжий мужик». Батюшку Иннокентия он всего лишь попугал, чтобы тот никогда больше не привечал посланцев БЕСа. А отца Зиновия крепко побил, применив в финале один из приёмов *боливака*, отражавшийся на деятельности желудочно-кишечного тракта. Эмиссар конунгов теперь вынужден был лечить «язву желудка», а по сути снимать наведенную психофизическую структуру – порчу. «Язва» эта начала открываться, как только отец Зиновий замыслил появиться на территории Жуковского района. А поскольку он был человеком сведущим в магии, на следующий день после «беседы с мужиком» уехал.

Первого сентября, с началом нового учебного года, Никифор отбыл в Москву.

Глава 8

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ

Жуковка – Фошня

Девочки с энтузиазмом окунулись в школьную атмосферу, несмотря на первые страхи и сомнения: всё-таки это была стрессовая ситуация – перейти из обычной средней школы в Школу Шерстнева, – и Тарасов вздохнул с облегчением. В глубине души он побаивался, что Акулина и Оля закомплексуют в непривычной обстановке. Однако всё обошлось. Да и учителя в Школе подобрались отменные, знали своё дело и быстро привязали к себе новых учениц, найдя каждой занятия по вкусу.

Так Акулина, склонная к математике, стала заниматься у Корнея Филипповича, преподающего математику, а Оля, предпочитавшая гуманитарные науки, вошла в группу расширенного изучения русского языка. При этом обе не перестали заниматься английским языком, что оказалось вовсе не таким уж сложным делом, поскольку усваивался иностранный язык на игровом уровне, без напряжения и заучивания правил.

Сергий тоже влился в коллектив Школы без конфликтов со «старой гвардией» и с самим собой. Он вообще рос бесконфликтным человеком, рассудительным и спокойным, но всегда мог постоять за себя. К тому же таких, как он, в Школе было ещё трое – двое мальчишек и девчонка, – готовящихся к поступлению в институты, и Сергей быстро сдружился с ними, вдруг обретя соратников, относящихся к жизни с той же степенью ответственности. Да и по возрасту они были близки: самому Сергию исполнилось тринадцать лет, как и Вадику, Андрею и Веронике – по четырнадцать.

Вероника оказалась спортсменкой, занималась теннисом, и мальчишки стали провожать её на тренировки, а потом и сами начали увлечённо учиться играть в теннис, что сблизило их ещё больше. Девочка нравилась всем троим, хотя красавицей назвать её было нельзя. И всё же что-то в ней было, внутренний шарм, милая открытость и непосредственность, притягивающие парней. Плюс роскошная улыбка, заставляющая вздрагивать юные сердца.

Тарасов узнал, что Вероника является дочерью брянского хирурга Саковича, рано оставшегося без жены, и что за её судьбой пристально наблюдают координаторы местной Славянской Общины. Девочка обещала стать целителем, так как с малого возраста умела определять болезни людей и лечить многие из них.

Первая неделя сентября прошла для Глеба Евдокимовича в хлопотах по обеспечению и налаживанию нового распорядка жизни.

Сначала он возил всех детей в Фошню каждое утро и забирал их из Школы вечером. Потом стал оставлять Сергия на два-три дня, а с ним – через неделю – и обеих дочерей. В Школе были созданы все условия как для обучения, так и для проживания тех, кто приехал учиться издалека.

После уничтожения Хмелем – «неизвестным террористом» – предводителя «спортсменов» Семёна Блющева и исчезновения отца Зиновия, руководившего «чёрным подпольем» в Жуковском районе, попытки давления на директора Школы прекратились. *Непрогляд*, по сути – слой пространственно-временных колебаний воздуха, закодированных амплитудно-фазовыми характеристиками голографических решёток природы, установленный волхвами над территорией района, продолжал действовать, не позволяя злой воле чёрных магов проникать в дома жителей района. Но Тарасов, включивший внутренний «резонатор» организма, настроенный на ловлю отрицательных энергетических потоков, чувствовал, что конунги заинтересовались Фошней, и начал готовиться к появлению новых эмиссаров Синклита.

Его предчувствия сбылись в середине сентября.

Как обычно, в понедельник он повёз свою «мелкую» команду в Фошню, собираясь забрать девочек вечером. Сергей захотел остаться в Школе до пятницы, и Глеб Евдокимович не стал возражать, хотя данное обстоятельство его напрягало. Несмотря на уверения охранников Школы в отсутствии к ней интереса со стороны «подозрительных лиц», это не снимало ответственности с Тарасова, которому поручили защищать Серебряного мальчика всеми доступными средствами.

Проехали Латыши, Гришину Слободу, а за Велеёй Тарасову стало неудобно, будто в спину подул пронизывающий холодный ветер. И тотчас же Сергей, сидевший на переднем пассажирском сиденье, оглянулся и проговорил:

– За нами едет машина.

Тарасов и сам обратил внимание на зелёный отечественный джип «Патриот», появившийся сзади и державшийся на пределе видимости, но только теперь связал его появление со своими ощущениями.

– Это те, кто был в лесу, когда мы ходили за грибами.

– Как ты их вычислил?

Сергей улыбнулся, не отвечая.

Тарасов хмыкнул, понимая, что мог бы вопрос не задавать: Сергей отлично *видел* ауры людей и мог разбираться в их энергетической направленности.

– Понятно. Что ж, пусть едут, а мы посмотрим, чем это закончится.

Щебечущие на заднем сиденье Оля и Акулина примолкли. Они тоже почуяли неладное.

«Импреза» разогналась, плавно вошла в поворот. Она могла двигаться даже со скоростью в триста километров в час, но сельские дороги не дотягивали до европейских автобанов, и максимум, на что мог рассчитывать такой опытный водитель, как Тарасов, – это сто восемьдесят километров в час. Тем не менее «Патриот» отстал и больше на горизонте не показывался. Однако замечание Сергея, что его пассажирами являются «те же люди, что следили за ними в лесу», заставило Глеба Евдокимовича задуматься. К случайным событиям эти две встречи отнести было нельзя.

Догнать «Импрезу» джип не смог и возле Школы не появился.

Зато Тарасов неожиданно увидел его у сельской управы на центральной площади Фошни. Подумав, он остановил машину прямо за джипом, вылез и, не торопясь, обошёл «Патриот» кругом, внимательно его осматривая. Окна джипа были открыты, и его водитель и пассажир, на которых Глеб Евдокимович не обратил никакого внимания, с недоумением воззрились на него, не понимая, чего хочет моложавый, спортивно подтянутый мужик.

Тарасов достал мобильник, набрал номер:

– Алексей Алексеевич, пробей-ка по базе данных тачку с нижегородскими номерами: джипер «Патриот», У 666 БЮ. Ага, я подожду.

Сидящие в джипе молодые люди переглянулись.

Стукнула дверца, на асфальт прыгнул могучего телосложения парень с редкой щетиной на подбородке, одетый в пятнистые шорты цвета хаки и такую же майку. На поясе у него висел нож в чехле.

– Эй, деревня, ты чо делаешь?

Тарасов мельком глянул на него, не отнимая трубку от уха.

– Тебя спрашивают! – с угрозой проговорил парень.

– Я понял, Алексей Алексеевич, – сказал Тарасов, пряча телефон, оглядел парня с ног до головы. – Интересно, что делает в нашей глуши машина нижегородской Национальной лесной компании? Не представитесь, молодой человек?

– Да кто ты такой?!

– Я-то местный житель, а вот вы кто? Какого дьявола колесите по Жуковскому району? Людей преследуете? Неужто ваше начальство решило начать вырубку леса вокруг Жуковки?

– Тебе какое дело?

– Мне, может, и никакого, а власти заинтересуются. Так что советую убратся отсюда подобру-поздорову. Это я только с виду мирный, но могу и шум поднять, гаишников натравить. Всех вы вряд ли купите. Годится вам такой вариант?

– Да мы, бля, тебе...

– Поехали, Фил, – буркнул водитель джипа, окинув Тарасова нехорошим взглядом. – Мы с ним потом поговорим.

– Ну-ну, потом так потом, – с иронией сказал Глеб Евдокимович. – Не надорвитесь от грандиозных планов, не то как бы вам не пришлось остаться здесь навсегда.

Парень в пятнистом псевдovoенном наряде сел в джип. Машина взревела двигателем, покатила прочь.

Тарасов проводил её глазами, хотел было сесть в свою «Импрезу» и вдруг заметил летящий над площадью плоский серый лист, напоминающий пыльную газету. Лист вёл себя как живой, рыскал из стороны в сторону, не подчиняясь порывам ветра, кружил над домами и словно что-то искал.

Тарасов замер, автоматически закутав себя индивидуальным слоем *непрогляда*.

Над Фошней кружил *глядун* – антенна пси-пеленгатора конунгов, способная засечь мыслеизлучение определённого человека.

– С-сволочь! – одними губами произнёс Тарасов, доставая мобильник.

– Онуфрий Павлович?

– Слушаю, – отозвался после паузы пестователь Общины.

– Я к тебе сейчас подъеду.

– Хорошо.

Серый прямоугольник *глядун*а стал невидимым, исчез.

Тарасов подождал ещё немного, запуская «щупальца» своего ментального восприятия в разных направлениях, но больше ничего негативного в районе Фошни не учуял. Конунги выключили свой «пеленгатор». И всё же сам факт появления «антенны» *глядун*а говорил об интересе чёрных магов к деревне. А точнее – к Школе Шерстнева. Конунги ничего не делали просто так, ради забавы или развлечения. Они явно искали кого-то. То есть – Серебряного мальчика.

Онуфрий жил в старой бревенчатой избе на краю Велеи.

С виду изба была как изба, построенная ещё в начале прошлого века и мало чем отличавшаяся от других домов деревни, сохранившихся в целостности и сохранности. Однако внутри это был вполне современный дом, имеющий технологичную начинку со всеми коммуникациями. И Тарасов невольно оробел, хотя уже бывал здесь пару раз. В молодые годы слова «маг» и «волхв» ассоциировались у него с древними практиками колдовских таинств и особым эзотерическим бытом колдунов, где не место было современной технике и красивому современному интерьеру. Здесь же, в доме Онуфрия, ничего мудрёного вроде химических реторт, колб, сушёных лягушачьих лапок, трав и прочей «каббалистической» дребедени не было.

Стены комнат были оклеены светлыми обоями с красивым сетчато-муаровым рисунком. На них висели картины, написанные маслом и акварелью, не копии – «живые» оригиналы: горы, море, лес и лунный пейзаж. Красивые бра по углам комнат в форме птиц создавали приятное ощущение *движения*. Мебель стояла стильная, явно выполненная на заказ. В кабинете волхва располагался мощный компьютер «Пенза» с двадцатидвухдюймовым монитором «Харьков», а в гостиной висел на стене тонкий, двухметровый, жемчужный лист телесистемы «Сварог», имеющий спутниковый транслятор.

Онуфрий усадил гостя в удобное кресло, предложил завтрак.

– Только кофе, – покачал головой Тарасов, – если можно.

– Я не последователь квасного патриотизма, – усмехнулся Онуфрий. – Хотя кофе не люблю. Тебе чёрный, с молоком?

– Чёрный, с лимоном.

Онуфрий вышел.

Тарасов проводил его внимательным взглядом, отмечая худобу волхва и его угловатую манеру держаться.

Он знал историю пестователя, приговорённого к смерти болезнью: в тридцать шесть лет у Онуфрия Павловича определили рак желудка. В тридцать семь Онуфрий ушёл из дома – жил он в Почепе – в Брянские леса, на островок посреди Белоберёзовых болот, – не хотел, чтобы близкие видели, как он угасает в мучениях, – и прожил там без пищи сорок дней! Ничего не ел. Пил только ключевую воду.

Болезнь уже начала заявлять права на его тело: желтела кожа, мутило от солнца, катастрофически падал вес и покидали силы. Он же построил скит, пока ещё мог что-то делать, и начал свой Великий пост.

Ходил голый. Зарос бородой. Падал в голодные обмороки. Знал, что умирает, но стойчески не думал об этом, жил минутой. Читал захваченные с собой книги по древнерусской истории и мифологии. Беседовал с духами природы, научился видеть их «третьим глазом». А на сороковой день при ясном сознании понял, что болезнь ушла!

С тех пор Онуфрий и начал свой путь подвижника и славителя древних русских богов, пока не стал волхвом и пестователем Славянской Общины «Родолубие». Говорили, что он умеет выходить «за угол времени», становиться недостижимым никаким средствам наблюдения, но лично Тарасов этого не видел.

В доме запахло свежесваренным кофе.

Вошёл хозяин, толкая впереди изящную тележку-поднос, на котором стояли чашки с дымящимся кофе и чаем, лежали сухари.

– Или ты не будешь сухари? – поймал взгляд гостя Онуфрий. – Есть сыр, варенье.

– Благодарю, не надо.

Тарасов взял чашку, бросил в неё ломтик лимона, отпил.

Кофе был вкусный и слегка припахивал мятой.

– Рассказывай, – сказал Онуфрий.

Глеб Евдокимович коротко известил волхва о слежке и о появлении в Фошне «антенны» *глядюна*.

Онуфрий помрачнел, огладил бородку.

– Синклит не уследил, куда мы упрятали Серебряного мальчика, и проводит разведмероприятия по всей территории России. По Воронежской губернии тоже рыщут охотники конунгов, а Дементий не раз наблюдал *глядюна*.

– Меня весьма настораживает, что *глядюн* появился именно здесь, в Фошне, где расположена Школа Шерстнева.

– В Фошнянскую Школу в этом году поступили шесть мальчишек разного возраста. Конунги не могут не проверить их всех. Поэтому надо ждать гостей, ищущих нашего мальчика. До сих пор нам удавалось отводить глаза всем деятелям такого рода, но, видимо, придётся создавать триаду защиты Сергея.

Тарасов помолчал, допивая кофе.

– Ты считаешь, что я не справлюсь?

Онуфрий прямо посмотрел ему в глаза:

– Если Синклит убедится, что Серебряный мальчик учится в Фошнянской Школе, сюда последует десант чёрного спецназа. Рисковать жизнью будущего объединителя России нельзя. Возрождение Язычества в новом облике для врагов страшнее ядерного и любого иного оружия,

ибо Сергей призван восстановить связь Рода нашего с могущественными Родными Силами. Одно могу обещать твёрдо: ты войдёшь в триаду.

Тарасов кивнул:

– Согласен. В отличие от того же христианства истинное Язычество не выдуманно пророком, апостолом или наместником бога. Своё духовное начало оно берёт в самой божественной природе Сущего.

– В Вечности, – добавил волхв. – Недаром же христиане всегда строили и продолжают строить свои храмы там, где некогда стояли древние славянские капища и Святилища. То есть в местах **силы**.

– Которые перестают потом работать как источники светлых энергий. Но ведь в их храмы ходят наши люди?

– Потому что многие наши лидеры не понимают, что почитание Традиций не означает сохранение умершего образа жизни! Русская идея – состояние вечного преодоления на грани невозможного! Поиск Истины, Справедливости, Добра, Правды! Стремление к Единению, к высшим духовным идеалам! Вовсе не возвращение в прошлое!

Тарасов, прищурясь, взгляделся в ставшее жёстким лицо волхва. Тот заметил его взгляд, скривил губы:

– Увы, мы разобщены, каждый деятель опирается на собственные представления о том, как надо жить, и потому так долго идет процесс объединения.

– Старые идеологии себя скомпрометировали, а новые ещё не разработаны.

– Условия для них уже созданы. Нужен лидер, который объединит все позитивные силы Рода. Вот почему мы так печёмся о судьбе Серебряного мальчика, способного изменить устоявшееся мировоззрение людей, одурманенных идеологами Синклита.

– К сожалению, в России побеждает культура патологических властолюбцев и дегенератов, пролезающих в авангард любого вида искусства. Наши редкие победы вроде отмены «реформы образования» не могут пока изменить общую тенденцию. Синклит медленно, но упорно идёт к цели – превращению народа в быдло, в стадо баранов. Или я не прав?

Онуфрий усмехнулся:

– Ничего, друг мой, мы тоже крепнем, вплотную подошли к созданию целостной системы реагирования на внешнюю агрессию и уже готовы к перехвату управления в целом по стране. Для этого Общины и создавались, чтобы сохранить естественное мировоззрение и перейти на новый уровень корпоративного общежития.

– Пока что нам приходится воевать, – проворчал Тарасов.

– Увы, это неизбежно: нас атакуют – мы отвечаем.

– Ладно, это я понимаю. Есть более конкретные задачи. К примеру, как вы собираетесь пестовать Серебряного мальчика дальше? У него блестящие способности, он может закончить любой институт за два-три года. Конунги сразу обратят внимание на его успехи и примут меры.

– Да, это проблема, – согласился Онуфрий. – Мы над ней думаем. Но, во-первых, он не один такой способный. Вместе с ним выйдут в свет десятки других парней. Во-вторых, мы готовим его Посвящение в операторы прямой волшбы.

– Диводары, – пробормотал Тарасов. – Светлый – диводар?

– Он понимает сензарский язык, – улыбнулся Онуфрий. – И быстро обучается тайнам магического оперирования. Ты должен был заметить его способности.

Тарасов вспомнил последний августовский поход с Сергием в лес, где тринадцатилетний ведич создал пси-двойника, чтобы отвлечь от них охотников.

– Да, изредка он меня поражает.

– Так что справимся, Витязь, хотя будет тяжело. Жди наших.

– Кого вы подсоедините ко мне?

– Этого я не ведаю. Подбором триады занимается лично Владыко. Он не ошибётся.

Тарасов поднялся.

– Последнее: эти молодцы разъезжают на машине, принадлежащей Национальной лесной компании. Что, если в руководстве этой компании и сидит координатор конунгов? Может быть, даже сам директор?

– Проверим. Теоретически любой сперматозоид может стать директором компании.

Тарасов улыбнулся, пожал руку волхву и вышел.

На всякий случай он объехал Фошню, высматривая джип, постоял возле Школы, размышляя, куда тот мог деться. Пришла идея вызвать Сергея и спросить, не чует ли он присутствие машины. Но потом решил не суетиться. Разведку конунгов надо было нейтрализовать тихо, чтобы она не почувствовала целенаправленного воздействия. Однако психологическое давление на разведчиков можно было организовать уже сейчас.

Подумав, Тарасов снова связался со своим человеком в Брянской ГАИ и попросил его выслать ориентировку на водителя и пассажира джипа «Патриот» с нижегородскими номерами всем постам ГАИ и передвижным патрулям. С этой минуты их должны были останавливать на всех дорогах губернии.

– Вряд ли это вам понравится, – вслух проговорил Глеб Евдокимович, довольный своей идеей.

Неделя прошла спокойно.

Джип Национальной лесной компании скрылся в неизвестном направлении. Никто больше машину Тарасовых не преследовал.

Тогда он собрал всю свою семью и в воскресенье, благо погода выдалась абсолютнолетней, поехал в Брянск, где недавно открылся Русский парк развлечений.

Идея популяризации исконно русских забав родилась ещё несколько лет назад у администрации подмосковного города Серпухова. Там и был построен первый Русский национальный парк развлечений – на месте заброшенной зоны отдыха, расположенной в исторической части города и занимающей площадь в семь гектаров. Кроме привычных турникетов, шведских стенок, волейбольных и баскетбольных площадок в парке были оборудованы специальные поля для игры в городки, рассчитанные на детей и взрослых, в «чижа» и в лапту. Кроме того, там были размещены и площадки для силовых единоборств, в том числе для армрестлинга и перетягивания каната, а также аттракционы: «русские горки», колесо обозрения, изба Бабы-яги и застенки Кощея Бессмертного. Плюс «колдовской лес» с «настоящими» кикиморами, лешим, болотняком, водяными, чертями, Змеем Горынычем и Соловьём-разбойником.

Точно такой же парк открылся и в Брянске, расположенный в красивейшем месте на берегу реки Десны. Тарасов не знал, что стоило его устроителям добиться столь комфортного расположения почти в центре Брянска, где всю шла война между строительными компаниями за землю, но факт оставался фактом: Русский парк, получивший неофициальное название Десналенд – по имени реки, начал функционировать.

Они побывали везде, находившись так, что девочки буквально падали с ног. Сергей держался по-мужски, но было видно, что и он устал. Хотя с удовольствием принимал участие во всех играх.

Последним развлечением для Тарасовых стала игра в лапту, после которой они с трудом добрались до кафе «Вкуснятина» и просидели там почти полтора часа, глядя на горки, с которых скатывались вниз в прозрачных шарах любители острых ощущений.

Глеб Евдокимович хотел было предложить покататься Сергию, наблюдавшему за спуском с видимым интересом, но посмотрел на умиротворённо-довольное лицо жены и передумал. На первый раз приключений было достаточно. А поскольку в Десналенде они не разочаровались, сюда вполне можно было ездить отдыхать чаще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.